

УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ

Институт государственного управления и политики

Экспертная оценка влияния афганского противостояния на политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии

Смагулов Агыбай

УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ

ДОКЛАД №20 2013

Экспертная оценка влияния афганского противостояния на политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии

Смагулов Агыбай

Аннотация

Рассмотрены попытки стран Центральной Азии максимально снизить негативное воздействие афганского фактора на процессы становления государственности и открыть южное направление для торгово-экономического сотрудничества. К сожалению, до сих пор государства региона предпринимали разрозненные инициативы по урегулированию афганской проблемы, преследуя свои национальные интересы. Однако улучшить существующую ситуацию позволят только коллективные и согласованные усилия в политической, экономической, транспортно-коммуникационной и энергетической сферах.

Ключевые слова

Афганский кризис, гражданская война в Таджикистане, Баткенские события, антитеррористическая кампания в Афганистане, транспортные коридоры в Центральной Азии, Большая Центральная Азия, Новый Шелковый путь.

JEL Коды: I32, O13, Q12, Q18

Институт государственного управления и политики (ИГУП) был основан в 2011 г. для содействия проведению систематических детальных исследований по ключевым вопросам социально-экономического развития Центральной Азии и выработке практических альтернатив государственной политики.

Институт государственного управления и политики входит в состав Высшей школы развития Университета Центральной Азии. Университет Центральной Азии был основан в 2000 г. Президенты Республики Казахстан, Кыргызской Республики и республики Таджикистан и Его Высочество Ага-Хан подписали Международный Договор и Устав, учреждающие этот светский и частный университет; Договор и Устав ратифицированы парламентами стран и зарегистрированы в ООН. Университет строит одновременно три кампуса в Текели (Казахстан), Нарыне (Кыргызстан) и Хороге (Таджикистан), которые откроют свои двери для студентов и магистрантов в 2016 г.

Доклады Института государственного управления и политики представляют собой собрание оригинальных рецензируемых исследований по широкому кругу проблем социально-экономического развития, государственного управления и государственной политики в Центральной Азии.

Об авторе

Смагулов Агыбай Дынкенович, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Исламской Республике Афганистан (2005–2011 гг.) и Республике Таджикистан (с 2011 г. по настоящее время).

Все права защищены © 2013
Университет Центральной Азии
улица Токтогула, 138
Бишкек 720001
Кыргызская Республика

Полную ответственность за все результаты, интерпретации и выводы, сделанные в данной работе, несет автор; они не обязательно отражают точку зрения Университета Центральной Азии

Текст и данные, приведенные в этой публикации, могут быть воспроизведены при условии надлежащего цитирования источника, из которого они взяты.

Содержание

Введение.....	4
1. Основные пути влияния афганского кризиса на политическое и экономическое развитие Средней Азии и Казахстана по оценкам экспертов СНГ	6
2. Анализ оценок западных экспертов и политиков по поводу влияния афганского конфликта на развитие политической и экономической ситуации в Средней Азии и Казахстане	23
3. Заключение	36
Список литературы.....	40

Таблица

Таблица 1. Импорт ИРА из Средней Азии и Казахстана, % к общему импорту.....	21
---	----

Введение

На протяжении практически целого столетия территория Афганистана остается непреодолимым препятствием на пути развития взаимовыгодных политических и экономических контактов Средней Азии и Казахстана с государствами Среднего Востока и Южной Азии. Транспортные коммуникации, подводившиеся российской империей, а затем Советским Союзом в Среднюю Азию, прерывались на афганской границе. Железные дороги, строившиеся Великобританией в Индии, также не достигали южных границ Афганистана, превратившегося в «буферное» государство между зонами влияния мировых держав, что, в свою очередь, по мнению В.Г. Коргуна, во многом определило исторические судьбы этой страны¹.

Бескомпромиссные и усиленные попытки передовой части интеллигенции и общественных движений как либерально-демократического, так и левого толка с середины 1970-х гг. ускорить модернизацию общественно-политической и социально-экономической жизни страны привели к вооруженному противодействию консервативных и клерикальных кругов². После ввода в 1979 г. ограниченного контингента советских войск афганское вооруженное противостояние приобрело характер международного конфликта, ввергнувшего страну в затяжное кровавое противоборство. Вооруженное сопротивление кабульскому режиму в 1979–1989 гг. после вывода советских войск и падения правительства Наджибуллы сменилось междоусобной борьбой исламских партий и появлением радикального движения «Талибан», установившего в стране жесткие средневековые порядки.

В годы правления талибов Афганистан превратился в прибежище международного терроризма, откуда планировались и осуществлялись террористические акты против США и их союзников. Вершиной террористической деятельности экстремистов во главе с Усамой бен Ладеном является беспрецедентная атака на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г., ставшая причиной начала антитеррористической операции международного сообщества при лидирующей роли США.

В течение двадцати лет независимого развития государства Центральной Азии как самостоятельные субъекты международных отношений прилагали внешнеполитические усилия по стабилизации обстановки в Афганистане, созданию благоприятных возможностей для выхода через территории этой страны и Пакистана к международным морским путям, развитию регионального сотрудничества, ликвидации угроз своему политическому и экономическому развитию.

Актуальность данного исследования определяется острой необходимостью обобщения и осмысления внутри- и внешнеполитических мероприятий стран нашего реги-

¹ Коргун В.Г. Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М., 2009. 320 с.

² Более подробно о процессах модернизации в Афганистане (и исламских традиционных обществах) можно прочитать в книге С.М. Акимбекова «Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии». Алматы, 1998. Вопросы острой идейной борьбы различных политических сил изложены в монографии Р. Нуриддинова «Идейная борьба лево-демократических и право-исламистских сил в Афганистане во второй половине XX века». Душанбе: Ватанпарвар, 2003.

она по поиску путей урегулирования этого конфликта. Острота проблемы усиливается в свете предстоящего вывода войск международной коалиции и предполагаемого вступления Афганистана в новую полосу нестабильности. Соединенные Штаты Америки и их союзники по НАТО настойчиво пытаются включить Афганистан в региональное экономическое сотрудничество в рамках проектов «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути». В этой связи Средняя Азия и Казахстан на основе двадцатилетней работы по афганскому урегулированию должны определить свои позиции и сформировать стратегию и тактику дальнейших действий.

Исследования по данной теме, проведенные как учеными стран СНГ, так и дальнего зарубежья, связаны исключительно с проблемами безопасности, распространения религиозного экстремизма, с ростом наркотрафика, либо геополитической борьбой региональных и внерегиональных сил³. При этом эксперты и ученые, как правило, предлагали выстраивать систему региональной безопасности на основе идеи изоляции афганского конфликта, сохранения буферного статуса всего Афганистана или его северной части⁴, формирования антинаркотического пояса безопасности вдоль афганской границы.

Но это значит, что южное направление развития торгово-экономических отношений вновь закрывается, как это было в годы «холодной войны». И регион вновь возвращается в прежнее геополитическое и геоэкономическое пространство, центром притяжения которого является Россия. При этом сохраняются определенные политические, географические и технические препятствия выхода на мировые рынки через южно-кавказский коридор, Иран, Турцию и Китай.

³ Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии (1990-е – начало 2000-х годов). Бишкек, 2004; Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XX в.). Душанбе: Дониш, 2004; Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек: издательство КРСУ, 2002; Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии». Бишкек: Илим, 2003; Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003; Ахмед Рашид. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии. М.: Библион – Русская книга, 2003; Афганистан и безопасность Центральной Азии: сборник материалов по исследованию проблем безопасности Центральноазиатского региона. Бишкек: Илим, выпуск 1, 2, 3; Сайдалиев У. Международная антитеррористическая операция в Афганистане и ее влияние на геополитику Центральной Азии. Душанбе, 2009; Мутон С.А. Центральная Азия в политике мусульманского мира. М., 2011; Мараталиева З.Т. Региональная политика России и Китая в Центральной Азии и ШОС как фактор взаимодействия. Бишкек, 2010; Ташматова С.И. Политика США в отношении стран Центральной Азии. М., 2008; Манякин Л.В. Центральноазиатский регион во внешней политике США (конец 80-х годов XX – начало XXI века). Астана, 2012; Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества и политика США в Центральной Азии. М., 2010; Усмон Д. Исламский фактор в политических процессах России и Таджикистана: сравнительный анализ. М., 2008; Даирова А.М. Исламский фактор в политических процессах Казахстана. М., 2006; Зеличенко А.Л. История интегрирования Кыргызстана в международный процесс противодействия афганской наркоэкспансии: 1991–2002 гг. Бишкек, 2003.

⁴ Казахстанский исследователь С.М. Акимбеков, хотя и признает, что «если подходить к проблеме максимально объективно, прекращение войны в Афганистане в принципе отвечало интересам новых независимых государств Центральной Азии» (Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 211), однозначно считает, что руководство этих стран, а также России и Ирана были заинтересованы в сохранении буферного статуса Афганистана, ограждавшего их от нежелательного влияния извне. Даже межтаджикское урегулирование, по его мнению, должно было служить главной цели Москвы и Тегерана – конфликт в Таджикистане не должен был мешать решению геополитической задачи – обеспечению надежного тыла группировке Ахмад Шаха Масуда и сохранению позиций антиталибского альянса в качестве буфера в Северном Афганистане (там же, с. 238).

Стратегии «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути», предложенные американскими учеными и администрацией США, соответственно, будут пока иметь серьезные препятствия для реализации в виде крайне нестабильной и непредсказуемой военно-политической и социально-экономической ситуации в Афганистане и Пакистане.

Тем не менее, для центральноазиатских стран важно предпринимать совместно с международным сообществом настойчивые усилия по сохранению возможности экономического сотрудничества с государствами Среднего Востока и Южной Азии, с Афганистаном. Ибо, в связи с планируемым выводом международных сил содействия безопасности, угрозы международного терроризма, исламского радикализма, незаконного оборота наркотиков и нелегальной миграции, включая проблему беженцев, становятся очевидными и вновь, как это было в конце 1990-х гг., будут создавать проблемы для привлечения иностранных инвестиций, чрезвычайно необходимых для их поступательного и динамичного развития.

1. Основные пути влияния афганского кризиса на политическое и экономическое развитие Средней Азии и Казахстана по оценкам экспертов СНГ

После обретения независимости в 1991 г. перед народами Средней Азии и Казахстана встали самые актуальные политические и экономические вопросы. Какую государственность строить? Какова будет экономическая политика нового государства? Каковы приоритеты их внешней политики, сохранять ли ориентацию своих экономик на постсоветское пространство, где основным ядром выступает Россия, или переориентироваться на мусульманский Юг? С падением «железного занавеса» на границах так называемого «мягкого подбрюшья России», которые в отличие от западных и дальневосточных рубежей Советского Союза были абсолютно непроницаемы для международного общения⁵, государства Средней Азии, Среднего Востока и Южной Азии предприняли взаимные политические активные шаги к сближению.

Первые контакты были установлены еще до обретения независимости. В июле 1991 г. состоялся официальный визит президента Казахской ССР Н. Назарбаева в КНР, в сентябре того же года высокопоставленная делегация посетила Турцию. Президент Узбекистана И. Каримов нанес официальный визит в Индию в августе 1991 г., в декабре в Анкаре состоялись турецко-узбекские переговоры на высшем уровне.

Президент Таджикистана Р. Набиев первые свои зарубежные визиты после Финляндии (для подписания Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе, 25–27 февраля 1992 г.) осуществил в Иран (28–30 июня 1992 г.), Пакистан (30 июня–2 июля 1992 г.) и Афганистан (14–15 июля 1992 г.)⁶.

⁵ В этой связи казахстанский исследователь С.М. Акимбеков отмечает, что СССР, поддерживая контакты с Афганистаном, выражавшиеся в основном в экономическом содействии, ограничил до минимума его возможные связи с советской Средней Азией. Более того, после образования Пакистана и Индии образовалась еще одна закрытая граница между ними. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 17–18, 24.

⁶ Саидов З. Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики. Душанбе, 2012. С. 17.

Р. Набиев, еще будучи председателем Совета Министров, затем первым секретарем ЦК Коммунистической партии Таджикистана в 1982–1985 гг., начинал строительство Рогунской ГЭС и прекрасно понимал ее стратегическое значение для страны и всего региона. Во время своего официального визита в Исламабад он получил от пакистанского руководства предложение о льготном кредите на сумму в 500 млн долларов США на достройку станции с последующей отдачей долга электроэнергией. По тем временам и степени готовности этого было достаточно для ввода объекта в действие⁷. Следует добавить, что уже в 1992 г. в Душанбе было открыто посольство Пакистана⁸.

Уже через два месяца после образования СНГ вопрос вступления всех центральноазиатских государств в созданную по этому случаю Организацию Экономического Сотрудничества был обсужден в Ашхабаде с лидерами стран-основателей – Ирана, Пакистана и Турции (с 1964 г. эти три страны входили в учрежденную ими структуру – Региональное сотрудничество для развития). Узбекистан стал членом этой организации 6 февраля 1992 г. Казахстан и Афганистан вступили в ОЭС 28 ноября 1992 г.⁹, Республика Таджикистан – 18 января 1993 г.¹⁰ На состоявшейся 28–29 ноября в Исламабаде внеочередной сессии Совета министров ОЭС республики Средней Азии, Казахстан, Азербайджан и Афганистан официально подписали документ о вступлении в Организацию. С тех пор 28 ноября является Днем ОЭС¹¹. В октябре 1992 г. в Турцию прибыли лидеры пяти тюркоязычных государств, где подписали Анкарскую декларацию, которую некоторые наблюдатели называли проектом «тюркского общего рынка».

Считая развитие современной транспортной инфраструктуры, связывающей страны-члены ОЭС между собой и с остальным миром, первостепенной потребностью региона, совещание министров транспорта уже в октябре 1993 г. в Алматы приняло Основной План развития Транспортного сектора. Этот документ включал перечень конкретных проектов и работ, которые должны были быть выполнены странами-членами на национальном, двустороннем и региональном уровне. На IV саммите в мае 1996 г. были подписаны меморандумы о строительстве дорог, нефте- и газопроводов с выходом на порты Карачи и Гвадар.

Вместе с тем, у такого регионального экономического сотрудничества имелись как минимум два препятствия. Во-первых, отсутствие условий для нормальных, мирных политических и экономических связей. Во-вторых, наличие иных выгодных направлений сотрудничества. Конфликт в Афганистане долгое время закрывал это направление и заставил страны региона искать иные пути политико-экономического сотрудничества, – писал в начале 1990-х гг. эксперт В. Белокреницкий¹². Более того, реальные угрозы безопасности, исходившие из Афганистана, стали одной из основных причин подписания Договора о коллективной безопасности в мае 1992 г. в Ташкенте.

⁷ Сафаров М. Рахмон Набиев: загадочная смерть президента // Вечерка. 2012/ 24 апр.

⁸ Саидов З. Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики. Душанбе, 2012. С. 32.

⁹ Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. Астана: Елорда, 2001. С. 416.

¹⁰ Дипломатия Таджикистана (к 50-летию создания МИД РТ). Душанбе, 1994. С. 22.

¹¹ www.ecosecretariat.org

¹² Белокреницкий В. Проблемы и перспективы формирования Центральноазиатского макрорегиона // Восток. 1993. № 4. С. 43.

Таджикский исследователь З. Саидов, отмечая, что Республика Таджикистан, имея с Афганистаном границу в 1344 километра, осознает особую ответственность политики двух соседних государств по отношению друг к другу. Недопустимы в этом отношении малейшие неосторожные, непродуманные действия. Политическое руководство Таджикистана стремилось к тому, чтобы выдержать эту линию, что и дало свои положительные результаты. Подписанные в декабре 1993 г. в г. Душанбе соглашения придали новый импульс таджикско-афганским связям¹³. Эти отношения являлись тогда практическим подтверждением курса государственного руководства Таджикистана на признание законности правительства Б. Раббани как единственно легитимного и правомочного и поддержку тех международных усилий, которые были направлены на достижение прочного мира в соседнем государстве.

Вместе с тем, руководство Таджикистана открыто говорило, что вооруженная оппозиция базируется на территории Афганистана. Э. Рахмон в своем выступлении на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1993 г. подчеркнул, что, «перебравшись сюда из Таджикистана, они при содействии экстремистских групп и сил международного терроризма вынашивают планы насильственного изменения государственного строя в нашей стране»¹⁴. Исламское ядро Объединенной таджикской оппозиции вело борьбу за исламское государство в Таджикистане с территории Афганистана силами армии численностью шесть тысяч моджахедов¹⁵.

Не менее актуальными были проблемы создания транспортных, энергетических, газопроводных коридоров через территорию Афганистана и Ирана: для Таджикистана, как было отмечено выше, – завершение строительства Рогунской ГЭС и экспорт электроэнергии в Пакистан, выход из транспортного тупика; для Узбекистана – вывоз хлопка в южные порты и далее на мировые рынки; для Туркменистана – строительство газопровода через Афганистан в Пакистан, развитие торговли с южными соседями. Появление на афганской сцене в октябре 1994 г. талибов было непосредственно связано с планами создания и обеспечения безопасности вдоль автотрассы Кветта – Кандагар – Герат – Кушка с параллельной системой трубопроводов: отряд муллы Омара был привлечен к освобождению торгового каравана из 30 грузовиков с медикаментами, вышедшего из Пакистана в Туркменистан и задержанного группой полевых командиров¹⁶. Прорабатывались планы строительства по данному маршруту, проходящему по западной равнинной части Афганистана, железнодорожной магистрали протяженностью 800 километров. Большая заинтересованность Пакистана в развитии транспортных связей со Средней Азией видна в том, что Исламбад был инициатором одобренного на заседании Совета министров ОЭС в Кветте в феврале 1993 г. плана создания к концу столетия единой коммуникативной системы государств-членов этой организации¹⁷.

¹³ Назриев Д., Саттаров И. Республика Таджикистан: история независимости (хроника независимости). Год 1993-й. Т. 3. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 519.

¹⁴ Рахмонов Э. Тысяча лет в одну жизнь: Сборник выступлений, речей, интервью и статей. Душанбе: Ирфон, 2003. С. 9.

¹⁵ Зайферт А.К., Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. Душанбе: Шарки Озод, 2003. С. 10.

¹⁶ Рашид А. Талибан. М., 2003. С. 48–49.

¹⁷ Москаленко В. Пакистан – курс на Центральную Азию // Восток. 1996. № 5. С. 83.

В этой связи стоит согласиться с утверждением известного российского исследователя Афганистана В. Коргуна о том, что «...затянувшаяся война блокирует реализацию крупных экономических проектов как регионального, так и континентального значения. Кажущаяся безысходность порождает всеобщий пессимизм в ответе на вопрос о том, есть ли вообще приемлемый выход из этого тупика»¹⁸. По мнению В. Коргуна, беспокорство, как он выразился, «прифронтовых» государств Средней Азии вызывают следующие негативные факторы: угроза распространения идей исламского экстремизма; культурная и экономическая отсталость Афганистана как партнера по экономическому сотрудничеству; сам конфликт как серьезнейший тормоз в создании трансрегиональных коммуникаций и энергетических программ; вероятность превращения Центральной Азии в «наркочоридор» с территории Афганистана; угроза распространения терроризма с афганской территории; вероятность наплыва беженцев из Афганистана¹⁹.

По мнению таджикского историка К. Абдуллаева, советско-афганская война и распад СССР в 1991 г. изменили ситуацию самым радикальным образом. Оказавшись за пределами прямого русского контроля, пишет К. Абдуллаев, Средняя Азия обнаружила себя в одном региональном комплексе безопасности с Афганистаном и Пакистаном. Все события, произошедшие и происходящие в Таджикистане за 20 лет независимости, в первую очередь, гражданская война и наркотрафик, были прямым результатом афганского воздействия. Таджикистан менее других бывших советских республик защищен от негативного влияния конфликта в Афганистане²⁰.

Доктор З. Мунавваров из Ташкента также признает, что «к началу 1990-х гг. минувшего века необходимость восстановления гармонии религиозных и светских ценностей, без всякого преувеличения, стала одним из судьбоносных факторов в жизни страны. Перед руководством Республики Узбекистан с первых дней независимости встала необходимость четкого и принципиального определения своего отношения к религии»²¹.

В то же время, существовало мнение, что угроза радикального ислама, непосредственно исходящая из Афганистана, заблокирует выход стран Средней Азии к международному сотрудничеству через южные моря, и лучше всяких экономических рычагов будет держать их в орбите России, не позволит пойти на полный разрыв военно-политического сотрудничества. Для этого достаточно регулярно напоминать о грозящей с юга опасности. В этой связи А. Реутов в ноябре 2000 г. писал, что «инициативу центральноазиатских республик (по признанию талибов) в Москве воспринимают без особого энтузиазма»²².

¹⁸ Коргун В. Афганский фактор в региональной геополитике // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5. С. 165.

¹⁹ Коргун В. Афганский фактор в региональной геополитике // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5(11). С. 168.

²⁰ Абдуллаев К. Заражен ли джихад? Конфликт в Южной Азии и его влияние на мусульман Средней Азии. 11.02.2011, www.kavolkon.com

²¹ Мунавваров З. Становление нового соотношения между светскостью и религиозностью в Республике Узбекистан // Ислам и светское государство / под общей редакцией З.И. Мунавварова, В. Шнайдера-Дегерса. Ташкент, 2003. С. 133–134/

²² Реутов А. Казахстан больше не боится талибов // Коммерсант, № 221 от 24.11.2000 www.kommersant.ru/doc/164129

Особенно остро вопрос создания светского²³ или теократического,²⁴ исламского²⁵ государства встал в Таджикистане и Узбекистане, где вышедшие на политическую сцену религиозные движения прямо требовали положить в основу государственного строя шариат. Расположенный непосредственно за рекой Амударья, в Афганистане, источник международного терроризма и религиозного экстремизма, откуда исламские радикалы получали всестороннюю помощь, оказал самое непосредственное влияние на развитие политических процессов в этих республиках. По мнению исследователя Э. Рахматуллаева, многолетний конфликт в Афганистане сыграл мощную дестабилизирующую роль в Средней Азии. В отличие от ренессанса традиционного ислама фактор исламизма вкуче с поддержкой внерегиональных центров радикализма, включая Афганистан, стал новым явлением в политической жизни региона²⁶.

По оценкам эксперта А. Вишневецкого²⁷, еще в 1989–1991 гг. в Намангане было сформировано религиозное течение «Адолат» (Справедливость), куда вошло до 12000 верующих молодых мусульман во главе с Тахиром Юлдашем и Джумой Намангани. «Адолат» насаждала исламский образ жизни и в ультимативной форме потребовала у Ислама Каримова, руководителя Узбекистана, когда он прибыл в Наманган, создания исламского государства на территории Узбекистана²⁸. Ответом были массовые преследования и аресты членов «Адолат». Узбекистан первым ограничил деятельность иностранных мусульманских миссионеров. В 1992–1993 гг. из Узбекистана были высланы около 50 проповедников из Саудовской Аравии. За ними последовали и другие, и с тех пор над деятельностью зарубежных мусульманских проповедников проводится тщательный мониторинг. Из-за подозрений в пропаганде радикальных идей и пантюркистских программ в 1994 г. в Узбекистане была запрещена газета «Заман» («Время») турецких миссионеров²⁹. Представляется, что, столкнувшись с угрозой исламистов, наблюдая и непосредственно поддерживая одну из сторон вооруженного противостояния в Таджикистане, И. Каримов пришел к выводу, что не-

²³ Светское государство – государство, в котором не существует официальной, государственной религии и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным. В светском государстве религия, ее каноны и догматы, а также религиозные объединения, действующие в светском государстве, не вправе оказывать влияние на государственный строй, деятельность государственных органов и их должностных лиц, на систему государственного образования и другие сферы деятельности государства. Светский характер государства обеспечивается, как правило, отделением церкви (религиозных объединений) от государства и отделением школы от церкви. (www.dic.academic.ru)

²⁴ Теократическое государство (от гр. *Teous* – бог, *kratos* – власть) – особая форма организации государственной власти, при которой она полностью или большей частью принадлежит церковной иерархии. (www.dic.academic.ru)

²⁵ Исламское государство – государство, в котором в качестве формы государственного устройства лежит монотеистическая религия ислам. Элементы конституционного, гражданского, уголовного, административного, семейного и процессуального права зафиксированы шариатом. (www.ru.wikipedia.org)

²⁶ Рахматуллаев Э. Превентивная дипломатия: панацея или мираж. М., 2007. С. 266–267.

²⁷ Вишневецкий А. Антисемитизм и радикальные исламские организации в Центральной Азии. <http://alvishnev8391.narod.ru/jew4.htm>

²⁸ www.youtube.com/watch?v=xwVS8CQg2S4, Б. Бабаджанов. Джихад как идеология «изгоев». Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии // Материалы международной конференции. Бишкек, 2007. С. 209. Л. Левитин в своей книге «Узбекистан на историческом повороте» на с. 53 пишет, что тогда захватившие здание Наманганского обкома партии фанатики потребовали приезда И. Каримова и поставили перед ним несколько условий. Первое – поклясться на Коране в верности исламу, второе – тут же провозгласить исламское государство, третье – посещение мечетей должно быть обязательным для мусульман, в том числе и для руководителей государства, которые обязаны молиться перед всем народом, четвертое – пятницу объявить нерабочим днем, пятое – немедленно открыть религиозные школы.

²⁹ Акинер Ш. Ислам в постсоветской Центральной Азии // Ислам и светское государство; под общей редакцией З.И. Мунавварова, В.Шнайдер-Детерса. Ташкент, 2003. С. 110–111.

обходимо установить сильную авторитарную власть в стране, чтобы не допустить хаоса по таджикскому сценарию.

В книге «Узбекистан на пороге XXI века», опубликованной в 1997 г., определяя основные направления внутренней и внешней политики страны, президент И. Каримов со всей определенностью писал: «Мы за то, чтобы религия продолжала играть роль приобщения населения к высшим духовным, моральным и нравственным ценностям. Но мы никогда не допустим, чтобы религиозные лозунги стали знаменем борьбы за власть, поводом для вмешательства в политику, экономику и юриспруденцию, поскольку видим в этом потенциальную угрозу безопасности и стабильности для нашего государства»³⁰.

В связи с Баткенскими событиями летом 1999 г. кыргызский исследователь О. Бибилова отмечает: наблюдатели давно предполагали, что усиление движения «Талибан» в соседнем Афганистане, а также переход гражданской войны в Таджикистане в латентную фазу, так или иначе отразится на всем пространстве постсоветской Центральной Азии³¹. Стало очевидно, что тяжелые социально-экономические условия, имеющие место во всех государствах региона, создают почву для восприятия радикальных идей, в том числе и исходящих от мусульманских экстремистов. Далее О. Бибилова пишет: «... уже никто не сомневается в поддержке мусульманских экстремистов, действующих на территории Центральноазиатских государств, со стороны Афганистана. Более того, пленг радиосообщений доказывает связь и координацию действий между отрядами Намангани, представителями Объединенной таджикской оппозиции, и «Талибан». В частности, 24 августа боевики, засевшие в кишлаке Зардалы на юге Кыргызстана, связались со своим центром в районе Хаит в Таджикистане. В состоявшемся разговоре особое внимание привлекает следующая фраза: «Пленные должны быть оставлены до последнего момента, потому что их присутствие в наших рядах заставляет «неверных» воздержаться от бомбардировок. Этот высокопоставленный человек (имеется в виду генерал внутренних войск Кыргызстана А. Шамкеев) и японцы чрезвычайно важны для нас»³².

О. Молдалиев в своей статье «Странная война в долине яда. Баткен 1999»³³, по нашему мнению, дает верную оценку мотивов активизации исламских боевиков на территории Кыргызстана и Узбекистана. Она заключается в том, что стратегия борьбы исламских экстремистов оправдала себя и в Афганистане, и в Таджикистане. К этому времени ультраконсервативное движение «Талибан» практически полностью контролировало Афганистан, объявило о создании «Исламского Эмирата Афганистана» во главе с Мохаммад Омаром – «повелителем правоверных». На контролируемых талибами территориях были введены законы шариата в их крайне жесткой интерпретации (запрещены телевидение, радио, музыка, танцы, введено обязательное ношение паранджи для женщин, которые не имеют право работать и учиться, публичные казни и т.д.). Правительство талибов было признано Пакистаном, Саудовской Ара-

³⁰ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. С. 43–44.

³¹ Бибилова О. Баткен: наступление мусульманского экстремизма // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1 (7). С. 35.

³² Там же. С. 37.

³³ Журнал «Центральная Азия и Кавказ». 2000. 1 (7). С. 46.

вией, Объединенными Арабскими Эмиратами. На грани их признания находилось правительство Узбекистана³⁴, Туркменистан, практически де-факто признавая движение «Талибан» в качестве официальной власти Афганистана, позволил открыть их представительство в Ашхабаде. В афганских городах Герат и Хайратон действовали консульства Туркменистана³⁵. По сообщениям газеты «Коммерсант», в Исламабаде посол Казахстана встретился с представителем талибов в Пакистане, а президент Н. Назарбаев назвал Движение Талибан одной из основных политических и военных сил в Афганистане, с которой Казахстан готов вести диалог³⁶.

Летом 1999 г. правительство талибов прилагало активные дипломатические усилия, направленные на признание их правительства в Организации объединенных наций³⁷ вместо «Северного альянса», возглавлявшегося Бурханудином Раббани. В 1999 г. талибы признали самопровозглашенную «Республику Ичкерия» и открыли в Кабуле ее «посольство»³⁸.

Следует отметить, что в этот период Республика Таджикистан оставалась единственным государством в регионе, не поддерживавшим никаких отношений с режимом талибов. Исследователь таджикской внешней политики З. Саидов отмечает, что «если не принимать во внимание многоплановую поддержку России, Таджикистан, по существу, в одиночку противостоял этим угрозам и постоянно оказывал поддержку Северному Альянсу, в то время являвшемуся единственной силой, противоборствующей талибам. В этом смысле борьба против реакционного режима талибов для Таджикистана началась еще задолго до того, как произошли трагические события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне».³⁹ Кроме оружия и боевой техники, которые поступали из России и Ирана, Таджикистан предоставил Северному Альянсу военно-воздушную базу в Кулябе и вертолетную площадку в окрестностях Душанбе⁴⁰.

Объединенная таджикская оппозиция, основу которой составляла Партия исламского возрождения и вооруженные формирования которой базировались и действовали с территории Афганистана, была признана правительством Э. Рахмона, представители оппозиции заняли места в правительстве. Референдумом от 26 сентября 1999 г. были внесены изменения в конституцию Республики Таджикистан, в том числе о разрешении создавать политические партии на религиозной основе. Здесь следует добавить, что годом ранее, 13 ноября 1998 г., президент Таджикистана подписал закон РТ «О политических партиях», в статье 4-й которого говорится: «Политические партии и их члены в своей политической деятельности не имеют права использовать религиозные организации»⁴¹. Статья 5-я Закона РТ «О религии

³⁴ www.polit.ru/news/2000/10/16/553516

³⁵ www.history-x.ru/04/006/030/007.htm

³⁶ «Коммерсант», № 221 от 24.11.2000 www.kommersant.ru/doc/164129. Позднее, в официальном документе ООН под названием «Концептуальные подходы РК к урегулированию ситуации в Афганистане» было четко обозначено: в условиях, когда Афганистан формально на 90 % находится под контролем талибов, «постепенный отход от отрицания всяких контактов с ними и налаживание контактов с лидерами Движения в плане возможности убедить их пойти на создание ответственного правительства было бы предпочтительным». www.un.int/kazakhstan/A55_916r.pdf

³⁷ www.pravda.ru/politics/03.11.2000/801158-0/

³⁸ Там же.

³⁹ Саидов З. Эволюция межгосударственных отношений Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики. Душанбе, 2012. С. 192.

⁴⁰ Коргун В. Афганский фактор в региональной геополитике // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5(11). С. 170.

⁴¹ Политические партии Республики Таджикистан. Душанбе, 2006. С. 35.

и религиозных организациях» (1999 г.) ограничивала штатных сотрудников религиозных учреждений в политической деятельности («Религиозные организации не участвуют в деятельности политических партий и не оказывают политическим партиям финансовой поддержки») ⁴². Существуют и другие инструменты по пресечению вмешательства церкви (религиозных организаций) в государственные дела, например, подписание договоров (заявлений) сотрудников религиозных организаций с Исламской Шурой о том, что они в период работы в данной структуре воздерживаются от вступления в политические партии ⁴³. Таким образом, ПИВТ законодательно лишалась возможности опираться в своей деятельности на широкую сеть мечетей, так как они, по сути, являются религиозными организациями.

Безусловно, новая редакция Конституции была компромиссом ради достижения национального примирения и обеспечения мирного развития страны. Так, Президент Э. Рахмон в декабре 1999 г. говорил: «Эти изменения и дополнения имели своей главной целью реализацию Общего соглашения об установлении мира и национального примирения в Таджикистане, устойчивое проведение политических реформ, обеспечение эффективной деятельности всех ветвей государственной власти. ...26 сентября нынешнего года граждане Таджикистана своим активным участием во всенародном референдуме доказали, что они выступают за мир и спокойствие. За демократическое общество. Благодаря политической мудрости и зрелости народа страна сделала еще один уверенный шаг в направлении демократии» ⁴⁴.

Известный таджикский политик и исследователь А. Достиев считает ⁴⁵ совершенно очевидным, что поправки, внесенные в статью 28 в ходе референдума 1999 г., противоречат требованиям первой статьи Конституции, которая, наряду с другими статьями ее первой главы, определяя основы конституционного строя, устанавливает, что Республика Таджикистан является светским государством. Кроме того, статья 8 Конституции отделила религиозные организации от государства: «Религиозные организации отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные дела».

После внесения поправки статья 28 Конституции устанавливает, что гражданин вправе участвовать в создании политических партий, в том числе имеющих религиозный и атеистический характер ⁴⁶. С юридической точки зрения, нормы, не укладывающиеся в любой форме и проявлении в конституционное определение государства, в данном случае его светского характера, не могут иметь право на существование.

«Вместе с тем, – пишет далее А. Достиев, – опыт Таджикистана, находившийся лишь в начале пути к правовому государству, показал, что в стране, где возникает гражданская война, но противоборствующие стороны, исходя из высших интересов народа и государства, готовы остановить ее, должны быть использованы все возможности для

⁴² В новом Законе РТ «О свободе совести и религиозных объединениях» 2009 года данная норма дана в следующей редакции: «религиозное объединение: ... не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь».

⁴³ Кабири М. Терминологические аспекты светско-исламского компромиссного диалога // Построение доверия между исламистами и секуляристами – таджикский эксперимент. Душанбе, 2004. С. 271.

⁴⁴ Рахмон Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т. 3. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 228.

⁴⁵ Достиев А.С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия, внесения изменений и основные положения. Душанбе; Матлубот, 2001. С. 49.

⁴⁶ Статья 28. Граждане имеют право объединяться. Граждане вправе участвовать в создании политических партий, в том числе имеющих демократический, религиозный и атеистический характер, профессиональных союзов и других общественных объединений, добровольно входить в них и выходить из них.

достижения компромисса, в том числе в сфере конституционных проблем. Угрозе самоистребления должны быть противопоставлены взвешенные политические решения, открывающие перспективы стабилизации в обществе, пусть они даже противоречат на данном этапе классическим юридическим нормам.

Так, придерживаясь противоположных позиций по самому широкому комплексу вопросов, противоборствовавшие в Таджикистане стороны, тем не менее, во имя сохранения единства нации, исключения самой возможности возникновения гражданской войны впредь, пришли к выводу о необходимости внесения изменений в действующие Конституцию и законы, вплоть до принятия неординарных законодательных норм.

Обе конфликтовавшие стороны, отказываясь от военного решения имеющихся проблем, сознавали при этом, что согласованное введение новых, политически обусловленных юридических норм, продиктовано высшими интересами народа и государства, является объективно вынужденной мерой и в историческом плане эти нормы носят временный характер. В условиях устойчивого мира и стабильности, по мере развития и возвышения культуры политического диалога между различными силами общества они уступят, в конце концов, свое место подлинно правовым юридическим нормам, находящимся в полной гармонии с нормами Основного Закона»⁴⁷.

Президент Э. Рахмон, выступая на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, сразу же после референдума, с высокой трибуны объявил, что Таджикистан не свернет с избранного пути строительства демократического, правового и светского общества. Итоги же состоявшегося всенародного референдума по внесению поправок в Конституцию продемонстрировали усилия правительства по установлению прочного мира и согласия в стране и на этой основе – дальнейшему развитию гражданского общества и формированию устойчивых демократических институтов⁴⁸.

30 октября 1999 г. в своем выступлении на встрече с представителями общественности страны Э. Рахмон вновь подчеркнул, что «только светское и демократическое общество может обеспечить гармоничную деятельность различных религиозных партий и движений, соблюдение норм свободы совести. ... мы сознательно не можем допустить того, чтобы исключить один вид радикализма – государственный атеизм, и тем самым прийти к другому проявлению радикализма – политическому религиозному строю, так как в статье 100 Конституции любая попытка изменения государственного строя со стороны различных партий и движений оценивается как предательство по отношению к Конституции, нации и государству»⁴⁹.

Вместе с тем, согласно Протоколу о гарантиях осуществления Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, Комиссию по национальному примирению возглавил представитель Объединенной таджикской оппозиции, в структурах исполнительной власти на всех уровнях им предоставлялось

⁴⁷ Достиев А.С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия, внесения изменений и основные положения. Душанбе: Мутлубот, 2001. С. 49–50.

⁴⁸ Рахмонов Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т. 3. Душанбе: Ирфон, 2006. С.180.

⁴⁹ Там же. С. 214.

тридцать процентов мест, в том числе в силовых структурах. Оппозиции также предоставлялось двадцать пять процентов мест в Центральной избирательной комиссии.⁵⁰

Исламисты теперь ставили задачу – добиться максимальной политической выгоды на предстоявших президентских и парламентских выборах. Таким образом, оппозиция заложила первый кирпичик в юридическую основу для достижения своей стратегической цели – создание исламского государства. Главный духовный руководитель Таджикистана Ходжи Акбар Тураджонзода еще в 1990 г. не отрицал своего и своих единомышленников стремления к созданию исламского государства. «Но это является не сегодняшней задачей, а стратегической целью», – заявлял он⁵¹.

В программных документах начала 1990-х гг. цель деятельности Партии исламского возрождения Таджикистана формулировалась следующим образом: «моральное возрождение граждан республики, политическое и правовое пробуждение, направленное на внедрение основ ислама в жизнь мусульман республики». В программе партии подчеркивалось, что образцом общественно-политического устройства для них является справедливое общество, построенное основателем ислама пророком Мухаммедом, что ислам является национальным достоянием таджикского народа и национальные традиции таджиков «несколько не отличаются от Ислама, не противоречат ему». И далее: «ПИВТ, равным образом как в области собственно религиозной, так и в сфере культуры, цивилизации, повседневной жизни и политики, а также во всех жизненных делах исходит из Божественного вдохновения и не признает никакого закона, который противоречит шариату»⁵². Как отмечали исследователи В. Бушков и Д. Микульский, в личных беседах руководители партии неоднократно заявляли, что стремятся не к немедленному установлению исламского государства, а к победе системы демократического правления, в рамках которой, с одной стороны, мусульмане будут иметь все возможности для ведения исламской воспитательной работы среди населения, а с другой – таджикский народ сумеет через некоторое время сделать свой выбор за или против исламского государства⁵³.

Опасность здесь заключается в том, что в долгосрочной перспективе в странах с преобладающим мусульманским населением более серьезный вызов светскому государству представляет собой поэтапная стратегия «умеренного» политического ислама, его стремление «укрепиться в нынешней государственной системе» и «расширить рамки идейно-политического воздействия на общественную жизнь

⁵⁰ Амирбек А. Роль Исламской Республики Иран в установлении мира в Таджикистане. Душанбе, 2004. С. 230.

⁵¹ Зайферт А.К., Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. Душанбе, 2003. С. 100.

⁵² В Программе партии, опубликованной в 2006 г., уже нет таких откровенных заявлений, применяются более обтекаемые выражения: «ПИВТ осуществляет свою деятельность на основе исламского мировоззрения, Конституции РТ, других правовых и международных актов». «Ислам – религия абсолютного большинства населения страны и имеет всестороннее влияние в ее жизни, ее искусственное отделение от политических процессов приведет к отторжению от политической жизни страны, одностороннему развитию. Применение исламского мировоззрения в политике, его участие в общественно-политическом и экономическом развитии страны станут прочной основой укрепления устоев государства и обеспечения мира и единства». Политические партии РТ. Душанбе, 2006. С. 283.

⁵³ Бушков Б., Микульский Д. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992–1995). М., 1996. С. 52.

страны»⁵⁴. Попытка через «обращение» большинства населения в свою идеологию подвигнуть его к мысли о необходимости установления «исламского порядка». Постепенно завоевать политическую власть через упразднение светского государства путем «демократического выбора», достичь, если можно так выразиться, «недемократической» цели демократическим путем⁵⁵.

Так, после подавления экстремистов в ответ на покушение на президента Египта А. Садата 6 октября 1981 г. часть организаций политического ислама, понесших существенные потери, прекратили военную деятельность и перешли к пропагандистской работе. Показная умеренность – это главное отличие «Братьев-мусульман» от многих других исламских организаций. Еще в 2006 г. руководители «Братьев-мусульман», уже имевшие 88 своих представителей в парламенте, отмечали, что главная задача организации – «продвижение реформ путем просвещения и образования народа». Используя инициированные «сверху» либерализацию политических правил игры, они вели целенаправленную пропагандистскую и агитационную работу, постепенно создавая условия для прихода к политической и государственной власти⁵⁶. Через шесть лет, 30 июня 2012 г. один из руководителей этой организации М. Мурси стал президентом, а в декабре 2012 г. в Египте референдумом принята конституция, согласно которой шариат называется основным источником права в стране.

Примерно такой же сценарий предполагалось реализовать и в Узбекистане, вооруженной борьбой и террором вынудить официальный Ташкент признать исламское движение Узбекистана как легальную оппозицию к власти и начать переговоры с его лидерами. В итоге, по таджикскому варианту создать комиссию по национальному примирению, внести соответствующие изменения и дополнения в Конституцию Республики Узбекистан и получить квоту в правительстве и органах государственной власти на всех уровнях. Для использования и в этих, и других целях, узбекские отряды Объединенной таджикской оппозиции еще в июне 1999 г. были переброшены в труднодоступные районы восточного Таджикистана.

Эти действия таджикской и узбекской оппозиции были следствием политических процессов в Таджикистане по реализации Общего соглашения об установлении мира и национального согласия. Согласно плану национального примирения 17 июня 1999 г. между правительством Э. Рахмона и ОТО был подписан протокол о роспуске и разоружении вооруженных формирований оппозиции и снятии запрета на деятельность оппозиционных партий и их СМИ (позднее, в августе 1999 г., Верховный Суд РТ отменил запрет на деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана).

В подконтрольных таджикской оппозиции районах каратегинской зоны были созданы центры подготовки боевиков, перевалочные базы. Было налажено бесперебойное снабжение этих пунктов оружием, боеприпасами и другим имуществом. Имелись запасы необходимых материальных средств для осуществления активной деятельности.

⁵⁴ Ниязи А. Возрождение ислама в Таджикистане: традиция и политика // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5. С. 163.

⁵⁵ Шнайдер-Детерс В. Светское государство и пробуждение ислама в постсоветской Центральной Азии (некоторые политические выводы) // Ислам и светское государство; под ред. З.И. Манавварова, В. Шнайдер-Детерса. Ташкент, 2003. С. 124.

⁵⁶ Ёвкочев Ш. О влиянии радикальных исламских организаций и движений Египта на социально-политическую ситуацию в стране // Восток. 2007. № 6. С. 116–124.

По мнению О. Молдалиева, вооруженное вторжение исламистов планировалось не для ведения широкомасштабной войны с Узбекистаном, как многие пытались представить, а с целью осуществления «стратегии захвата власти» в соответствии с идеологией исламского экстремизма – путем осуществления дестабилизирующего террора, диверсий и партизанских вылазок. К чему могли привести эти насильственные акты, не сложно представить. Экстремисты затащивали бы правительство в спираль насилия, что противопоставило бы его населению, усилило бы позиции исламистов и их признание в качестве одной из сторон переговорного процесса. Конфликт, естественно, не ограничился бы пределами одного государства и могла бы произойти «афганизация» всей Центральной Азии⁵⁷. Безусловно, исламские радикалы надеялись на поддержку международных террористических организаций, логово которых находилось на территории Афганистана. Об этом свидетельствует то, что после разгрома вооруженных формирований экстремистов на территории Кыргызстана и самого Узбекистана, они вынуждены были вновь уйти в Афганистан, в том числе и при содействии действовавших под политическим давлением Ташкента таджикских властей, и руководства Объединенной таджикской оппозиции. ОТО, добившись своей легитимности в Таджикистане, безусловно, не хотело терять достигнутых успехов. Президент Э. Рахмон также хотел сохранить сложившийся в стране хрупкий мир и укрепить пока неустойчивый процесс национального примирения. Поэтому он позволил узбекским боевикам беспрепятственно уйти в Афганистан⁵⁸.

Кстати, в Ташкенте были также недовольны тем обстоятельством, что Кыргызстан не уничтожил боевые формирования узбекских экстремистов, а дал им возможность уйти в Таджикистан.

Забегая вперед, можно добавить, что, по мнению узбекских властей, люди, готовившие взрывы в Ташкенте и Бухаре весной 2004 г., нашли убежище в Казахстане, а лица, причастные к взрывам в июле 2004 г., были связаны с ячейкой Исламского движения Узбекистана, базирующейся в Южно-Казахстанской области Казахстана⁵⁹.

Президент Узбекистана И. Каримов, просчитывая стратегические цели исламистов и учитывая ряд факторов, которые оказывали самое серьезное влияние на развитие политических процессов в стране, не мог дать даже малейшей зацепки экстремистам получить какую-либо легитимность или оправдание их присутствия и развертывания баз в Средней Азии. В этом смысле, И. Каримов не мог согласиться с выводами западных исследовательских центров о том, что «мирный процесс в Таджикистане стал отправной точкой для беспримерного исследования возможностей компромисса между исламистскими и секулярными силами. Первым компромиссом, заключенным в Центральной Азии между исламистами, а также их союзниками, и секулярным правительственным лагерем после пятилетней гражданской войны»⁶⁰.

⁵⁷ Молдалиев О. Странная война в долине яда. Баткен 1999 // Центральная Азия и Кавказ. 2000. 1 (7). С. 51–52.

⁵⁸ Камолов С. Граница. К истории становления границы Республики Таджикистан. - Душанбе, 2007. - С. 149-160. Из конфиденциальных бесед с сотрудниками спецслужб автору стало известно, силовые структуры Республики Таджикистан организовали перевозку и вывод Джумы Намангани на территорию Афганистана через речной порт Нижний Пяндж.

⁵⁹ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии, Фонд Карнеги за международный мир. М., Вашингтон, 2005. С. 283.

⁶⁰ Зайферт А.К., Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. Душанбе: Шарки Озод, 2003. С. 6.

Этим объясняются его решительные и бескомпромиссные действия, когда 26 и 29 августа 1999 г. авиация Узбекистана нанесла бомбовые удары по местам возможного размещения военных баз Исламского движения Узбекистана на территории Таджикистана и Кыргызстана⁶¹. На следующий год не менее решительно были уничтожены вооруженные отряды исламской оппозиции, появившиеся уже на территории самого Узбекистана в Сурхандарьинской области и под Ташкентом, в 80 километрах от столицы. Опасаясь прорыва исламских боевиков, Узбекистан в августе 2000 г. в одностороннем порядке заминировал все вероятные направления движения террористов через таджикско-узбекскую границу. С учетом минных полей, установленных еще «в период активной фазы гражданской войны в Таджикистане в 1992–1996 годах»⁶² и летом–осенью 1999 года, остаются заминированными 54 участка таджикско-узбекской границы в Хотлонской и Согдийской областях и Турсунзадевском районе. С 1992 г. от взрыва мин и других неразорвавшихся снарядов в Таджикистане погибли 368 человек и свыше 450 человек получили различные увечья⁶³. Но узбекская сторона до сих пор не намерена ни разминировать эти поля, ни передать таджикской стороне карты минных полей.

И. Каримов резко отверг возможность проведения мирных переговоров с лидером ИДУ Т. Юлдашевым. «Террористов, если они сами не сдадутся, надо ликвидировать, а если ликвидировать, то не только их, но и всех их пособников», – заявил И. Каримов, выступая 29 августа 2000 г. на церемонии открытия одного из участков автомагистрали Ташкент – Ош на стратегическом перевале Камчик⁶⁴. Данное заявление было своего рода ответом на предложение лидера ОТО Саида Абдулло Нури, выступившего с инициативой о проведении переговоров между Ташкентом и лидерами ИДУ. Также И. Каримов с возмущением отметил: «Нури сам является игрушкой в руках определенных радикальных центров экстремизма, расположенных за пределами Таджикистана»⁶⁵.

Таким образом, Баткенские события, 11 сентября и начало антитеррористической операции (т.е. афганский фактор – А.С.) вновь оказали прямое влияние на развитие политической ситуации. В частности, по мнению Арне К. Зайферта, в Таджикистане начали утверждаться более жесткие установки по отношению к исламистам. Сторонники жесткой политики, представители секуляризма, которые еще во время мирных переговоров выступали против компромиссов с исламистами, рассматривали антитеррористическую стратегию, создание военных баз США, свержение режима талибов в Афганистане как благоприятную переменную, чтобы начать наступление против исламистов. К этому относилось и вытеснение исламистов с правительственных постов, которые они получили в рамках договоренностей о мире. В результате такой

⁶¹ Омуралиев Н., Элебаева А. Баткенские события в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1 (7). С. 27–28.

⁶² Из письма Премьер-министра Узбекистана Премьер-министру Таджикистана от 04.04.2012 г., www.alaqoda.com 04.04.2012.

⁶³ Кыргызское телеграфное агентство, www.kyrtag.rg 5 октября 2012 г.

⁶⁴ Через перевал Камчик пролегает дорога, связывающая Ферганскую долину с Ташкентом и остальной частью Узбекистана, вокруг Согдийской области Таджикистана. Именно этот перевал в начале августа 2000 г. пытался блокировать один из отрядов исламских боевиков. www.newsru.com Нападение боевиков на Узбекистан и Киргизию (2000).

⁶⁵ Саид Амин. Испытание на прочность: Баткен 1999–2000 гг. – сайт «Время Востока», www.easttime.ru

политики заново усилилось напряжение в светско-исламских отношениях, которые и без того были не простыми⁶⁶.

Что касается основных факторов, оказывающих самое непосредственное влияние на развитие политической ситуации в Республике Узбекистан, следует отметить мнение исследователя Р. Сайфулина. Во-первых, в Узбекистане, как и на всем постсоветском пространстве, полностью отсутствовали политические традиции, в основе которых лежат демократические ценности, нормы и принципы. Во-вторых, в Узбекистане национальные и ментальные традиции переплетались с религиозными установками либо вступали с ними в противоречие. В-третьих, чрезвычайно сложное региональное окружение – конфликт в Афганистане и гражданская война в Таджикистане. Неопределенная и крайне нестабильная ситуация в Афганистане не позволяет наладить транспортные коммуникации, которые разрешили бы для государств Средней Азии проблему выхода к морским портам. Без скорейшей нормализации ситуации в Афганистане процесс достижения в Центральной Азии взаимопонимания и формирования действенного механизма для решения общерегиональных проблем экономического, водно-энергетического, транспортно-коммуникационного и экологического характера, затрагивающих жизненно важные интересы государств региона, может затянуться и столкнуться с дополнительными трудностями.

В-четвертых, исламский фактор является самым чувствительным на территории современного Узбекистана. Узбекистан после обретения независимости пережил возрождение религии, особенно это касается возврата социальной роли ислама в обществе. Более того, религиозная ориентация сопровождала процесс роста национального самосознания, поиска этнической самоидентификации.

В то же время неконтролируемый процесс роста влияния религии как социального института привел к тому, что Узбекистан столкнулся с проблемой формирования предпосылок к конфликтам на основе актуализации религиозного фундаментализма и экстремизма и связанного с ними терроризма.

Узбекистан стоит перед двумя взаимоисключающими векторами развития. С одной стороны, руководство страны активно демонстрирует стремление к сохранению и развитию традиционных исламских ценностей в рамках светского государства. С другой, в Узбекистане присутствуют силы, которые хотели бы сделать исламский фактор доминирующим в общественно-политическом развитии. Исламские ценности эксплуатируются в политической борьбе за «обладание» сознанием масс, выполняя роль знамени, под которым объединяются силы, стремящиеся к власти⁶⁷.

По мнению З. Саидова, афганские события осенью 2001 г. положили начало геополитическим подвижкам в регионе Центральной Азии. По верному мнению академика Талбака Назарова, возглавлявшего в тот период внешнеполитическое ведомство Таджикистана, «во-первых, они оказали существенное воздействие на утверждение тенденции

⁶⁶ Зайферт Арне К. О пользе укрепления доверия между исламистами и секуляристами // Построение доверия между исламистами и секуляристами – таджикский эксперимент. Душанбе, 2004. С. 25.

⁶⁷ Сайфулин Р. Республика Узбекистан: политическая динамика // Центральная Азия: Собственный взгляд, Фонд Фр. Эберга. Бишкек, 2006. С. 386–387.

развития двустороннего и многостороннего сотрудничества Таджикистана не только с государствами американского и европейского континента, но и с азиатскими странами.

Во-вторых, внутривластные события в сопредельном Афганистане со всей очевидностью показали всему миру принципиальность и неизменность подходов руководства Таджикистана по урегулированию афганского кризиса.

В-третьих, ввиду выгоды своего геополитического и геостратегического положения в регионе, Таджикистан привлек к себе повышенное внимание мировой общественности, что в определенной мере отразилось на повышении его роли и международного авторитета»⁶⁸.

Думается, что первый и третий выводы Т. Назарова можно в полном объеме отнести и к другим странам центральноазиатского региона, в частности, к Кыргызстану и Узбекистану, где были развернуты военные базы США и их союзников по НАТО. Что касается Таджикистана, то позитивное влияние афганского фактора на увеличение военно-политической и экономической помощи со стороны США и европейских стран подробно освещено в монографическом исследовании З. Саидова «Эволюция межгосударственных отношений Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики».

Большое значение для понимания стремления нового руководства Афганистана наладить конструктивные отношения со всеми своими соседями имеет организация 22 декабря 2002 г. в Кабуле международной конференции по вопросам добрососедских отношений, в работе которой помимо афганской стороны приняли участие представители шести стран-соседей Афганистана. По итогам работы была подписана Декларация о добрососедских отношениях, согласно которой соседние государства взяли на себя обязательство содействовать более тесному торговому, транзитному и инвестиционному сотрудничеству⁶⁹.

Позже, с момента установления в Афганистане более или менее стабильной обстановки в 2004–2005 гг., руководство ИРА, понимая необходимость поднять в первую очередь экономику, предложило проект регионального экономического сотрудничества (RECCA) в форме проведения ежегодной конференции. С тех пор проведено несколько региональных конференций по экономическому сотрудничеству с Афганистаном: в Кабуле в 2005 г., в Нью-Дели в ноябре 2006 г., в Исламабаде в мае 2009 г., в Стамбуле в ноябре 2010 г. и в Душанбе в марте 2012 г. Свой вклад в улучшение степени и масштабов регионального экономического сотрудничества пытались вносить и другие организации, в частности, Организация Экономического Сотрудничества (ОЭС), Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), Центральноазиатская Программа регионального экономического сотрудничества (CAREC), а также Форум Центральной и Южной Азии по транспорту и торговле.

⁶⁸ Саидов З. Эволюция межгосударственных отношений Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики. Душанбе, 2012. С. 231.

⁶⁹ РИА Новости, 22 декабря 2002 г.

Однако продолжающийся вооруженный конфликт в Афганистане препятствовал не только взаимовыгодному экономическому сотрудничеству, но и росту торговли. По расчетам автора, подготовленным на основе статистических данных Организации Экономического Сотрудничества, доля импорта Исламской Республики Афганистан за 2000–2011 гг. из соседних стран Средней Азии и Казахстана остается незначительной⁷⁰. Только за последние 4 года импорт немного вырос за счет электроэнергии, поступающей из Узбекистана в Кабул по построенной индусами новой линии электропередачи. В целом, по данным ОЭС, за эти 12 лет импорт из Средней Азии и Казахстана составил \$ 6,6 млрд, или 18,4 % всего импорта ИРА. Экспорт Афганистана в эти страны – \$ 79,4 млн, или 2,1 %. Кыргызстан практически не участвует в торговле с Афганистаном. За все эти годы импорт из Кыргызстана составил всего \$ 6 млн, из Афганистана поступило товаров на \$ 4,3 млн.

Таблица 1. Импорт ИРА из Средней Азии и Казахстана, % к общему импорту

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
%	5	4	6,6	2,4	6,2	12,8	8,6	10,5	26,2	40	29,3	25,7

По оценкам экспертов Института государственного управления и политики Университета Центральной Азии, торговые связи между Афганистаном и странами Средней Азии значительно улучшились после начала действий антитеррористической коалиции в Афганистане в 2001 г. В 2010 г. эти страны поставили в Афганистан около 12 % общего объема его импорта и потребили около 8 % экспорта этой страны. Экспорт в Афганистан состоит в основном из электричества, поставляемого Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, и нефтепродуктов. Для Казахстана наиболее важным экспортным товаром в торговле с Афганистаном является пшеничная мука. Через территорию Афганистана поступает экспортная продукция в Таджикистан, например, цемент из Пакистана. Таким образом, торговля Афганистана с центральноазиатскими странами сконцентрирована всего на нескольких товарах⁷¹.

Безусловно, отмечая низкую долю объема торговли стран Средней Азии, нужно учитывать сложную экономическую ситуацию в них самих. Они до сих пор не могут выйти из глубокого кризиса после распада Советского Союза и разрыва хозяйственных связей. В иной ситуации они могли бы поставлять на афганский рынок более широкий ассортимент товаров, или заниматься реэкспортом, как это делают Пакистан и Кыргызстан: первый переправляет китайские товары в Афганистан, а второй – в Казахстан и другие соседние страны.

Серьезной проблемой продолжает оставаться неразвитая транспортная инфраструктура. Сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук И. Азовский писал, что политика диверсификации внешнеэкономических связей натолкнулась на труднопреодолимое препятствие – практически полное отсутствие транспортных

⁷⁰ Следует отметить, что данные из различных источников по объему торговли как между странами региона, так и с Афганистаном очень часто не полны, не точны и искажены или вследствие недостаточного развития системы регистрации товарных потоков, или из-за специальных режимов налогообложения, или по причине уклонения от налогов.

⁷¹ Могилевский Р. Тенденции внешней торговли стран Центральной Азии. Доклад № 1, Институт государственного управления и политики Университета Центральной Азии, май 2012. С. 50.

связей со своими южными и восточными соседями – Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном, Индией, Китаем⁷².

Для сравнения потерянных возможностей можно рассмотреть развитие транспортных коммуникаций на других направлениях.

Казахстан и Китай уже в сентябре 1990 г. соединили железные дороги и в июне 1992 г. открыли регулярное пассажирское сообщение по маршруту Урумчи – Алма-Ата через пограничный переход Достык – Алашанькоу, что позволило стремительно увеличить двустороннюю торговлю. Впоследствии были открыты еще четыре автомобильных перехода через казахстанско-китайскую границу. В конце 2012 г. сдан в эксплуатацию железнодорожный участок Жетыген – Хоргос, который существенно увеличил объем перевозки грузов через КПП «Хоргос». Между Кыргызстаном и Таджикистаном с Китаем действуют КПП Торугард, Иркештам и Кульма. Международный переход Гаудан – Баджигран из Ирана в Туркмению ежегодно пересекают до 70 тыс. крупнотоннажных грузовиков из разных стран⁷³. Соглашение об экономическом сотрудничестве по строительству железнодорожной линии Теджен – Серахс было подписано уже 12.12.1991 г. во время консультативной встречи Президентов ИРИ, РК, РТ, Туркменистана и РУ. Стыковка состоялась 13 мая 1996 г., формально Великий Шелковый путь был восстановлен. На следующий день, 14 мая 1996 г. Президенты Казахстана, Туркменистана и Ирана подписали меморандум о взаимопонимании в строительстве железнодорожной линии Ералиево – Туркменбаши – Туркмен-бендер вдоль побережья Каспийского моря с целью открытия транзитного железнодорожного пути с выходом на Персидский залив. Казахстан уже завершил строительство на своем участке. Представляется, что в ближайшие годы оно будет завершено и в Туркменистане. В Иране для сокращения транзитного маршрута из Средней Азии к портам Персидского залива и максимального использования своего транзитного потенциала в короткий срок построена 800-километровая железная дорога от города Мешхед на северо-востоке до станции Бафк на юге страны. В Иране также принята программа развития порта Чабахар в Ормузском проливе и соединения этого порта с помощью железной дороги Чабахар-Захедан-Мешхед с границей Средней Азии⁷⁴.

Необходимость развития торговых связей вызвала к жизни идею создания мультимодального транспортного коридора «Север-Юг» от индийского города Бомбей, через Иран и Каспийский регион в Россию и далее в северо-восточную Европу. Представляется, что российская геополитика заключается в том, чтобы распространить этот коридор на все пространство Южной Евразии. Исследователь В. Юртаев задается вопросом: «Превратится ли Афганистан в "важнейшее геоэкономическое звено в развитии европейско-российско-азиатской торговли XXI века?" Сегодня именно на этом пространстве разыгрывается «азиатская карта»⁷⁵.

⁷² Азовский И. Шелковый путь накануне XXI века, www.ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_06_azovski.shtml

⁷³ www.news.asgabat.net, 5 октября 2012 г.

⁷⁴ www.iran.ru, 15 сентября 2009 г. № 171986.

⁷⁵ Юртаев В. Шанс России: лидерство в евразийской интеграции // Восток. 2003. № 3. С. 122; Максименко В. Расширенные тезисы к дискуссии. Там же. С. 73.

Отдельно, в качестве положительного примера быстрой и эффективной реализации идеи создания транзитно-транспортного коридора можно привести строительство автомобильной магистрали мирового уровня «Западный Китай – Западная Европа», проходящей по территории Казахстана.

Однако продолжающийся вооруженный конфликт в Афганистане до сих пор не позволил проложить через эту страну ни автомобильные, ни железнодорожные, ни трубопроводные коридоры и соединить между собой Среднюю и Южную Азию. Вышеупомянутая ветка Чабахар-Захедан-Мешхед пройдет вдоль западных границ Афганистана, но по территории Ирана. Не удастся реализовать проект транспортного коридора № 6 программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества Азиатского банка развития, который предполагает прокладку железной дороги по северному Афганистану от Термеза до Ирана⁷⁶. В 2011 г. был сдан в эксплуатацию только 75-километровый участок от Хайратона до Мазари-Шарифа, построенный узбекскими железнодорожниками на средства Азиатского банка развития.

Таким образом, нестабильный Афганистан продолжает оставаться труднопреодолимым препятствием на пути развития торговых связей стран Средней Азии с государствами Южной Азии и Среднего Востока, выхода к их морским портам. Более того, по мнению В. Коргуна, Афганистан в настоящее время не готов к процессу региональной интеграции по любым параметрам. И хотя он, так или иначе, причастен к деятельности крупнейших региональных организаций – ОЭС, ШОС, ОДКБ, ОИК, везде он пока остается политико-экономическим маргиналом в силу экономической слабости, политической нестабильности, слабого правительства, низкого международного статуса как зависимого государства⁷⁷.

2. Анализ оценок западных экспертов и политиков по поводу влияния афганского конфликта на развитие политической и экономической ситуации в Средней Азии и Казахстане

Одной из первых работ по историографии постсоветской Средней Азии является статья известного в США специалиста по рассматриваемому региону Марты Брилл Олкотт, опубликованной в 1992 г. под названием «Средняя Азия: катапультирование в независимость». В ней она писала о хрупкости существующих транспортных связей и коммуникаций, соединяющих Среднюю Азию с внешним миром. По ее мнению, руководители новых государств знали, что «альтернативные пути через границу – через Иран, горы Китая или через разрушенный войной Афганистан – были еще трудней».

⁷⁶ В целях восстановления инфраструктуры Афганистана по инициативе узбекской стороны 17–18 июня 2003 г. в рамках официального визита Президента РУ И. Каримова в Тегеран между Узбекистаном, Ираном и Афганистаном было подписано трехстороннее Соглашение о создании Международного трансафганского транспортного коридора «Хайратон – Мазари-Шариф – Герат – граница Ирана».

⁷⁷ Коргун В. Афганистан и проблемы интеграции Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: материалы международной конференции. Бишкек, 2007. С. 22 б.

М.Б. Олкотт также уделила серьезное внимание вероятности строительства новых государств по «исламской модели»⁷⁸.

Здесь следовало бы сразу отметить, что после явных претензий политического ислама на власть в Таджикистане и Узбекистане Казахстан (в 1993 г.), Кыргызстан (в 1993 г.) и Туркменистан (в 1992 г.), как бы давая сигнал международному сообществу и определенным силам, в принятых конституциях включили правовую норму о светском характере государства, хотя в первых правовых актах о государственном суверенитете и о независимости такая норма отсутствовала. В Декларации о государственном суверенитете Таджикской ССР и Заявлении о государственной независимости Республики Таджикистан также не упоминалось о светском характере государства. Республика Узбекистан, видимо, из-за высокой чувствительности части населения к утверждению светского характера государства вообще не упоминает эту норму, как и норму, запрещающую создание партий на религиозной основе.

Позднее, в 2005 г. в своей новой книге «Второй шанс Центральной Азии»⁷⁹ она отмечала, что «восстановление Афганистана принесло бы этим государствам реальную экономическую выгоду. Оно позволило бы проложить через Афганистан новые транзитные коридоры, обеспечив относительно быстрый доступ к открытым портам Пакистана и возможность поставок нефти и газа из Центральной Азии в Индию, а также открыло бы массу других экономических возможностей». По ее мнению, американское и международное военное присутствие в Афганистане, поддерживаемое в сфере логистики наличие в Центральной Азии двух американских баз: «Манас» в Кыргызстане и Ханабад в Узбекистане существенно снизило угрозы для стран региона и предоставило им второй шанс для демократических реформ и поступательного экономического развития. Вместе с тем, она констатирует тот факт, что «хотя финансирование государств Центральной Азии возросло, это увеличение было краткосрочным и – если принять во внимание стоящие перед ними проблемы – относительно небольшим. Государства-доноры не были готовы пересмотреть фундаментальный подход к иностранной помощи и потребностям развития региона, так что стимулы для проведения реформ здесь по-прежнему не работают»⁸⁰.

По мнению британского исследователя Средней Азии и Казахстана Ширин Акинер, одним из самых значительных процессов в 1990-х гг. стала усиленная политизация ислама. Она считает, что это происходило не только благодаря деятельности радикальных группировок, но потому что сами государства были вовлечены в борьбу за «исламскую легитимность»⁸¹.

⁷⁸ Олкотт М.Б. Средняя Азия: катапультирование в независимость // Оборонная политика – политика обеспечения мира и безопасности. Т. I. Киев: RAND-AAAS, 1992. С. 49–58. Позднее, в 2012 г. в своей книге «В вихре джихада» М.Б. Олкотт отмечала, что после распада СССР И. Каримов пришел к четкому пониманию необходимости определенного компромисса с религией. Однако начало гражданской войны в Таджикистане убедило руководство республик Средней Азии в том, что светские государства должны обладать большей степенью контроля над мусульманскими общинами в своих странах, или же светская власть в итоге окажется в подчинении религиозной. Лаумулин М.Т., Olcott M.B. In the Whirlwind of Jihad. Washington, DC: Carnegie Endowment, 2012. XIV+414 pp. // Казахстан в глобальных процессах. 2013. № 2. С. 127.

⁷⁹ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. Московский Центр Карнеги, Фонд Карнеги за международный мир. Москва, Вашингтон, 2005.

⁸⁰ Там же. С. 2.

⁸¹ Акинер Ш. Ислам в постсоветской Центральной Азии // Ислам и светское государство; под общей ред. З.И. Мунавварова, В. Шнайдера-Дегерса. Ташкент, 2003. С. 117.

Специальный представитель ООН по Афганистану Лахдар Брахими в апреле 1998 г. отмечал, что для республик Средней Азии Афганистан – источник страха, но в то же время и источник новых возможностей. «Новые возможности обусловлены тем, что странам, не имеющим выхода к морю, хочется не зависеть больше от России, им нужны дороги, нефте- и газопроводы, ведущие на юг. Им нужно ответственное правительство в Кабуле, которое было бы их добрым соседом. Они хотят открыть свои границы, а не закрывать их»⁸².

Збигнев Бжезинский, теоретические выкладки которого, как правило, формируют стратегию администрации Белого Дома, в своей известной книге "Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы", вышедшей в 1996 г., включил девять стран – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркмению, Азербайджан, Армению и Грузию, а также Афганистан в геополитический объект, названный им "Евразийскими Балканами", который, по его мнению, представляет собой силовой вакуум. Он считал, что все страны этого региона политически и экономически нестабильны и являются соблазном для вмешательства со стороны более мощных соседей, каждый из которых полон решимости оказать сопротивление доминирующей роли другого соседа в регионе. Речь, в частности, шла о таких странах, как Россия, Турция, Иран и Китай. Однако наличие в Центральной Азии и бассейне Каспийского моря существенных запасов природного газа и нефти, превосходящих, как он тогда считал, такие же месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря, важны как потенциальный экономический выигрыш для Соединенных Штатов Америки и их европейских союзников. Стремительный рост потребления энергоносителей в мире подогревает международное соперничество в этом регионе.

Американский политик дает новому геополитическому пространству три основные характеристики:

- **котел этнических противоречий**, потенциально способный взорваться из-за территориальных, этнических и религиозных конфликтов;
- **многостороннее соперничество** со стороны России, Турции, Ирана, Китая, в борьбу за влияние также вовлечены Пакистан, Индия и далеко расположенные США. Последние не только стремятся не допустить единоличного доминирования России, но и преследуют более масштабные стратегические цели в Евразии, намерены получить неограниченный доступ к природным ресурсам, в том числе в интересах своих союзников в Европе и на Дальнем Востоке. Первоочередная задача – вывести регион из политической и экономической зависимости от России, проложив альтернативные трубопроводы к Средиземному и Аравийскому морям и тем самым сохранить геополитическое будущее региона открытым;
- **американское присутствие – необходимое условие выживания государств региона**. По мнению З. Бжезинского, "Россия чересчур слаба, чтобы восстановить имперское доминирование над регионом или исключить других действующих лиц из его судьбы, но она слишком близко расположена и слишком сильна, чтобы ею пренебрегать. Турция и Иран достаточно сильны, чтобы оказывать влияние, но их

⁸² Рашид А. Талибан. М.: Библион – Русская книга, 2003. С. 214.

собственная уязвимость могла бы помешать региону справиться одновременно с угрозой с Севера и с внутрирегиональными конфликтами. Китай слишком силен и его не могут не опасаться Россия и государства Средней Азии, тем не менее, само его присутствие и экономический динамизм облегчают реализацию стремления Средней Азии к выходу на более широкую мировую арену.

Отсюда следует вывод, что первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. Геополитический плюрализм станет устойчивой реальностью только тогда, когда сеть нефтепроводов и транспортных путей соединит регион непосредственно с крупными центрами мировой экономической деятельности через Средиземное и Аравийское моря так же, как и по суше. Следовательно, усилия России по монополизации доступа требуют отпора, как вредные для стабильности в регионе. Однако ... активное экономическое участие России в развитии региона является существенно важным для стабильности в этой зоне, а наличие России в качестве партнера, а не исключительного господина, также может принести существенные экономические выгоды".

В целом, американский политик считает, что задача всеобъемлющей стратегии США в отношении нашего региона – сохранить хрупкое равновесие, которое позволило бы постепенно вовлечь данный регион в нарождающуюся глобальную экономику, не допустить этнических конфликтов, политического раскола и открытых межгосударственных столкновений⁸³.

Однако позже, в своей новой книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство», опубликованной в середине 2003 г., З. Бжезинский откровенно констатирует, что США использовали террористическую атаку 11 сентября 2001 г. для получения возможности своего военного присутствия в этом прежде недоступном им геополитическом регионе. В частности, он пишет следующее:

«... совершенный после 11 сентября прорыв американских военных в бывшие советские республики Центральной Азии – Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан – и первоначально неохотное решение Москвы закрыть глаза на этот факт облегчило разным постсоветским государствам выяснение возможностей установления более тесных военно-политических связей с евроатлантическим сообществом во имя совместной борьбы против терроризма. Государства региона, несомненно, обратили внимание на то, что российское правительство, пожалуй, не без затаенного недовольства, но проявляя немалый реализм, не только молчаливо согласилось с участием Америки в обеспечении безопасности своего доселе священного и неприкосновенного «ближнего зарубежья», но и даже признало ее участие в Совместной декларации Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 24 мая 2002 года. Язык документа не оставлял места для двусмысленных толкований: в Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем наш общий интерес в содействии стабильности, су-

⁸³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2003. С. 149–180.

веренитету и территориальной целостности всех государств этого региона. Важные геостратегические последствия такого заключения очевидны»⁸⁴.

И далее, «... сделанный Россией и единственно доступный для нее выбор, пусть даже продиктованный тактическими мотивами, предоставил Западу стратегический шанс. Он создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше вглубь Евразии. Расширение уз между Западом и Россией открыло для проникновения Запада, и в первую очередь Америки, в некогда заповедную зону российского «ближнего зарубежья»⁸⁵.

По этому поводу А. Князев отмечает, что если бы Россия следовала логике «холодной войны» в ситуации осени 2001 г., то должна была бы предпринять соответствующие меры. В частности, оказать давление на президентов центрально-азиатских стран с целью обеспечения их безоговорочной лояльности к российской политике и стратегии, резко усилить группировку войск в Таджикистане, нарастить свой военный потенциал по всему периметру границ СНГ с Афганистаном, вести политико-дипломатические маневры с участием стран, по сути не приемлющих усиление американского присутствия в регионе, – с Ираном, Китаем, возможно, с Индией. Однако хаотичность российской политики в отношении региона, отсутствие выверенных стратегий такой политики стали причиной того, что реагирование России на стремительно изменившуюся ситуацию в очередной раз оказалось недостаточно адекватным жизненным интересам России⁸⁶.

Однако в третьей книге «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы», вышедшей в 2007 г., З. Бжезинский уже называет стратегической ошибкой силовые действия США в регионе, ставшего тогда «новой центральной ареной и новой ставкой американской сверхдержавы». «Эта политика разъединила друзей Америки и объединила их врагов, страх стал средством обеспечения поддержки политики, и нетерпение, проявляемое в стратегических вопросах, и изоляционистский самоотракизм сузили для США возможности дипломатического маневра»⁸⁷.

Здесь следует вспомнить и более ранние предположения этого американского политолога, высказанные им в книге «Без контроля. Глобальный беспорядок на пороге XXI века», вышедшей в 1993 г. Он тогда писал, что распад СССР превратил сердцевину Евразии в геополитический вакуум и соседние исламские страны попытаются усилить свое влияние в Центральной Азии. Однако попытка американского проникновения в

⁸⁴ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. С. 124.

⁸⁵ Там же. С. 126–127.

⁸⁶ Князев А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек, 2002. С. 3–4.

⁸⁷ Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2010. С. 167. Аналогичные мысли о стратегической ошибке были высказаны З. Бжезинским и другим видным американским политиком Брентом Скоукрофтом в марте 2008 г. Более того, З. Бжезинский в 2008 г. признал, что США «пытались, но неумело и без реальных усилий на высоком правительственном уровне» обеспечить прямой выход Средней Азии на мировые рынки, особенно для экспорта энергоносителей. В свою очередь, Б. Скоукрофт подтвердил, что «Именно этим мы должны заниматься – не столько политически, сколько экономически. Открыть этим странам доступ в мир». Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и Мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М.: Астрель. 2012. С. 124, 219.

этот геополитический вакуум, так или иначе, может стать опасной воронкой водоворота, и в первую очередь, из-за политического пробуждения ислама⁸⁸.

Позже, в статье в журнале *Foreign Affairs* (февраль 2012 г.) «Балансируя на Востоке, обновляя Запад: большая стратегия Соединенных Штатов в эпоху глобальных перемен», фактически являющейся квинтэссенцией его новой книги «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной мощи», он вообще не рассматривает проблемы Центральной Азии и Среднего Востока. Более того, он откровенно признает, что США не смогут и далее поддерживать и спонсировать международное обеспечение региональной стабильности в Центральной Азии⁸⁹. Далее он сетует на то, что региональные державы – в частности Индия, Россия и Китай, «предпочли уклониться от прямого участия в натужных (а зачастую и неадекватных) попытках Америки помешать региону увязнуть в назревающих этнических и религиозных конфликтах»⁹⁰. По мнению экспертов, игнорирование им Афганистана и Центральной Азии говорит в пользу гипотезы о том, что США не намерены более нести какой-либо ответственности за регион, и все «грехи» за прошлое десятилетие переложить на региональные державы⁹¹.

Тем не менее, действующая администрация вынуждена уделять серьезное внимание региону Центральной и Южной Азии в связи со своим военным присутствием в Афганистане и перспективами вывода международных сил содействия безопасности, так и не завершив задачу стабилизации ситуации в этой стране.

В частности, Фредерик Старр⁹² в своей статье «Партнерство для Центральной Азии: изменение карты региона»⁹³ предложил создание регионального форума Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА), в задачу которого войдут планирование, координация и осуществление целого ряда программ, разработанных в США. По его мнению, в новый геополитический объект нужно включить Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. Свое предложение он обосновывает тем, что достигнутые к тому времени успехи в Афганистане открывают огромные возможности не только для самого Афганистана, но и для всей Центральной Азии. США должны использовать появившийся шанс, чтобы превратить Афганистан и регион в целом в безопасную зону суверенных государств, сделавших выбор в пользу эффективной рыночной экономики, отличающихся светскими и открытыми системами государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном. Создание такого форума означало бы признание Соединенными Штатами наличия у них долгосрочных интересов в Центральной Азии. Это явилось бы также отражением того факта, что для содействия миру и развитию Большую Центральную Азию нужно рассматривать как единый регион, объединяемый общими интересами и потребностями.

Ф. Старр считает, что ключевым направлением в возрождении этого региона мирового значения является торговля и улучшение положения дел в сфере транспорта.

⁸⁸ Бжезинский З. Геополитический вакуум // Кентавр. 1994. № 4. С. 54–62.

⁸⁹ Бжезинский З. Стратегическое видение: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. С. 146–147.

⁹⁰ Там же. С. 188–189.

⁹¹ Разбирая «Стратегическое видение» Збигнева Бжезинского, www.arms-expo.ru, 21.03.2012.

⁹² Руководитель Института Центральной Азии и Кавказа при Высшей школе международных исследований им. Пола Нитце в Университете Джонса Хопкинса.

⁹³ Опубликованной в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль–август) за 2005 г.

Торговля поможет Афганистану и его соседям переместиться из экономической периферии в самый центр нового экономического региона – Большой Центральной Азии, позволит выйти им из изоляции.

Общерегionalная торговля позволит афганским фермерам на легальной основе снабжать мировые рынки своей легальной, а не противозаконной сельскохозяйственной продукцией, будет способствовать созданию рабочих мест для населения и обеспечит поступление доходов в государственную казну. Что касается других государств Центральной Азии, то торговля в масштабе региона приведет к расширению их отношений со странами, расположенными к югу, создав альтернативу монополии России на экспорт углеводов, электроэнергии и хлопка, а также к расширению отношений с Китаем⁹⁴.

Ф. Старр в своей статье сетует на то, что в правительстве США нет должной координации между различными программами и, в целом, способности выработать единую скоординированную политику по этому региону мира. Государственный департамент объединяет пять бывших республик СССР в одну группу с Россией⁹⁵, а Афганистан считает частью Южной Азии, в то время как Центральное командование Министерства обороны рассматривает эти шесть стран как одно целое. Отсутствуют и эффективные общерегиональные структуры для содействия безопасности и развитию Большой Центральной Азии.

Американский политолог перечисляет несколько стратегических целей США в Большой Центральной Азии. Это – ведение наступательной войны против терроризма и создание замкнутых на США инфраструктур безопасности. Это – предоставление Афганистану и его соседям возможности защитить себя от радикального исламизма и наркоторговцев. Это – усилия по укреплению региональной экономики и наиболее значимых государственных институтов до уровня, когда регион окажется способным служить в качестве экономического и политического моста между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией. Это – работа в плане упрочения региональных торговых связей и адекватной транспортной инфраструктуры. Наконец, это – стимулирование демократических политических систем, способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением. Продвижение к этим целям лучше всего осуществлять на региональной основе, считает Ф. Старр.

Представляется, что одной из причин появления этого проекта стало «изменение баланса сил в регионе в сторону России и Китая и необходимость дать адекватный ответ на их геополитический вызов»⁹⁶. Здесь имеются в виду присоединение России к региональной организации «Центрально-Азиатский Союз» в октябре 2004 г. и объединение ЦАС с ЕвразЭС в октябре 2005 г., а также усиление экономического компонента ШОС при ведущей роли Китая, выделившего значительные финансовые средства республикам Средней Азии. Так, в 2005 г. в рамках ШОС начали действовать Деловой Совет и Межбанковское объединение, в которых доминирующую роль играет Китай.

⁹⁴ Смагулов А. Афганистан. Опыт восстановления и реконструкции, 2001–2009 гг. Кабул, 2010. С. 468.

⁹⁵ В последующем в Государственном департаменте США создан отдел Центральной и Южной Азии, который курирует отношения с Афганистаном, Бангладеш, Бутаном, Индией, Казахстаном, Кыргызстаном, Мальдивами, Непалом, Пакистаном, Шри Ланка, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном.

⁹⁶ Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С. 85.

Знаковым событием стало подписание в Ташкенте в ноябре 2004 г. Протокола о вступлении в силу Соглашения о разделе продукции в отношении Кандымской группы месторождений газа, а также Кунградского участка между Республикой Узбекистан и Консорциумом инвесторов в составе компании "ЛУКОЙЛ Оверсиз Узбекистан Лтд" и НКХ "Узбекнефтегаз". Российская компания в течение 5–7 лет в разработку этих узбекских месторождений планировала инвестировать порядка \$ 1 млрд.

Что касается Китая, то еще с 2003 г. прорабатывался вопрос поставок газа из Казахстана и стран Средней Азии. В апреле 2006 г. правительства Китая и Туркменистана подписали генеральное соглашение о строительстве туркменского газопровода и экспорте газа из Туркменистана в Китай. Причем именно с месторождения Давлетабад, откуда планировалось поставлять голубое топливо по трубопроводу Туркменистан – Афганистан – Пакистан. В апреле и ноябре 2007 г. были заключены соответствующие соглашения с Узбекистаном и Казахстаном, что позволило начать строительство стратегического газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай.

В развитие идеи Ф. Старра в 2011 г. Афганистан оказался в центре уже официально предложенной американской стратегии «Нового Шелкового пути», направленной на углубление экономических и торговых связей между странами Южной и Центральной Азии. Суть этой стратегии заключается в том, чтобы интегрировать Афганистан в региональную экономику, сделав его важным транзитным государством. В июле 2011 г. Госсекретарь США Х. Клинтон, выступая в Индии, заявила, что тесные экономические связи между Южной и Центральной Азией, которые бы позволили включить в свободный оборот товары, идеи и капиталы, сделают Афганистан самодостаточным экономическим партнером в регионе. «Ни одна страна мира, включая мою собственную, не может предоставлять помощь Афганистану бесконечно, – отметила Клинтон. – Нам необходимо наладить экономику. Нам необходимо привлечь инвестиции».

Официально Х. Клинтон презентовала новую стратегию 22 сентября 2011 г. на специальной встрече министров иностранных дел в Нью-Йорке⁹⁷. В своей речи она отметила, что ясно представляет все проблемы и трудности, стоящие на пути такой стратегии, но в то же время она не видит ей альтернативы. Вывод иностранных войск, присутствие которых создавали условия для занятости населения, резко ухудшит экономическую ситуацию в Афганистане. Поэтому нужно создать новые источники экономического роста в стране, увеличить спрос на афганскую сельскохозяйственную продукцию, развивать горнодобывающую промышленность, укрепить финансовый сектор, привлечь частные инвестиции и т.д. В целом, интегрировать Афганистан в экономику Южной и Центральной Азии.

Заместитель Государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Роберт Блейк считает, что для этого нужно развивать инфраструктуру, транспортные и энергетические пути. В частности, речь идет о строительстве газопровода, соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию, о проекте CASA-1000 по экспорту электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Пакистан через Афганистан, прокладке автомобильных и железных дорог, соединяющих два региона. Ускорение

⁹⁷ www.state.gov/secretary/rm/2011/09/173807.htm

этих проектов чрезвычайно важно для преобразования Афганистана, считают американцы, и стремятся ускорить эти процессы.

Таким образом, по мнению американских разработчиков, региональная экономическая интеграция в рамках инициативы "Новый Шелковый путь" включает свободное движение товаров, услуг, капитала и населения между Афганистаном и его соседями. Инициатива также предполагает строительство автомобильных и железных дорог, линий электропередач, трубопроводов и другой инфраструктуры, что будет способствовать региональной интеграции и развитию частного сектора.

29 сентября 2011 г. помощник Госсекретаря по вопросам экономики, энергетики и сельского хозяйства Роберт Д. Хорматс на конференции в Институте Центральной Азии и Кавказа университета Дж. Хопкинса особо отметил важность и срочность укрепления связей между Южной и Центральной Азией в свете начала передачи ответственности за поддержание безопасности афганским вооруженным силам и вывода международных сил содействия безопасности к 2014 г.

Затем 2 ноября 2011 г. в Стамбуле состоялась международная конференция по Афганистану «Безопасность и сотрудничество в сердце Азии», основной идеей которой также стало региональное экономическое сотрудничество ИРА со странами центрально-азиатского региона.

По мнению эксперта Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан по вопросам безопасности региона Вафо Ниятбекова, продвижение Россией идеи «Евразийского Союза» и создания на Среднем Востоке региона, в который входили бы страны Центральной Азии, Афганистан, Индия, Пакистан и так далее⁹⁸, – это ответ таким инициативам Запада, как «Большая Центральная Азия» и «Новый Шелковый путь». То есть, если Запад преследовал цель создания макрорегиона, который бы отделялся от России, то Россия, в свою очередь, предлагает новый макрорегион, который бы раскрывал новые территории влияния для России именно в тесном сотрудничестве со странами Центральной Азии⁹⁹.

⁹⁸ В частности, российский политик Ю.В. Крупнов отмечает, что дестабилизация Средней Азии угрожает национальной безопасности России и благополучию граничащих со Средней Азией российских регионов. При этом Россия может получить значительные выгоды, если Средняя Азия из территории нестабильности превратится в территорию развития. Однако развивать Среднюю Азию в отрыве от ее южных соседей – Афганистана, Пакистана, Ирана невозможно. Поэтому целесообразно создать интеграционный проект развития, в котором, помимо России и государств Средней Азии, будут участвовать Монголия, Китай, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и Турция. Это позволит создать на Новом Среднем Востоке зону стабильности и развития.

Проект Нового Среднего Востока – это масштабный международный проект развития, направленный на интеграцию Афганистана, Средней Азии и Сибири. В рамках проекта ключевое значение будет иметь организация железнодорожной магистрали Сибирь – Казахстан – Туркменистан – Иран и трансафганской магистрали от иранского города Мешхед через Герат и Кандагар до пакистанского города Кветта. Параллельно должен быть реализован железнодорожный проект, связывающий Среднюю Азию с пакистанскими городами Гвадар и Кветта через Таджикистан и Афганистан.

Индустриализация региона, в котором проживает 400 млн человек, приведет к формированию нового общего рынка, который станет новым местом приложения капиталов и технологий. При этом основными акторами в реализации проекта Нового Среднего Востока должны стать Россия, Китай, Индия, Турция и Иран (www.d-ravvitija.ru) Крупнов Юрий Васильевич – председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития, председатель Движения развития.

⁹⁹ Путин едет в Душанбе. Чего ждать от предстоящего визита? // Азия-Плюс. 1 октября 2012 г. С. 3.

По мнению некоторых экспертов, ответом на масштабный проект США «Новый Шелковый путь» является также предложенная Республикой Казахстан стратегическая транспортная программа по строительству трансконтинентального коридора «Западная Европа – Западный Китай»¹⁰⁰. Так, М. Агаджанян в статье «Россия – Казахстан – Китай. «Мотор» евразийской интеграции набирает обороты»¹⁰¹ пишет: «Проект «Европа – Западный Китай» несколько «проигрывает» по масштабности американскому проекту «Новый Шелковый путь», в т.ч. в силу «локального» интереса Пекина к экономическому освоению СУАР путем его интеграции в новые региональные связи. Но и преимущества данной программы налицо в силу меньших геополитических сложностей при ее реализации. Кроме того, стратегическая программа «Западная Европа – Западный Китай» представляет для России и Китая ценность в связи с вовлечением в его реализацию Казахстана, что сохраняет казахскую сторону в евразийском интеграционном процессе». По мнению М. Агаджаняна, даже Узбекистан, приостановивший свое членство в ОДКБ и готовый ближе к 2014 г. к созданию на своей территории американской военной базы под условным названием «Центр оперативного реагирования», сохраняет интерес к экономической интеграции и с Россией, и с Китаем, и с Казахстаном. Таким образом, трансконтинентальный проект «Западная Европа – Западный Китай» является совместной инициативой этих трех стран, представляющей альтернативу американским предложениям.

В этой связи можно привести высказывание российского исследователя Е.А. Денисова о том, что в «Центральной Азии борьба внешних сил принимает формы конкуренции различных интеграционных проектов, которые поддерживаются теми или иными нерегиональными игроками. Важной составной частью этих проектов оказывается борьба за направления транспортных коммуникаций, и особенно трубопроводов. ... Но при этом у пророссийских идеологий есть «слабые места». Они ориентируют регион в сторону пространства, которое еще само недостаточно восстановилось от последствий кризиса, связанного с распадом СССР, что вызывает у политических элит Центральной Азии общее ощущение разочарования в России»¹⁰².

Безусловно, борьба геополитических идей вокруг Средней Азии и Казахстана оказывает прямое влияние на развитие внутри- и внешнеполитических процессов, связанных с обоснованием и объяснением своей общественности и внешнему миру тех или иных принятых решений, официальных заявлений и действий. Это, например, ярко отражается в вопросе размещения или не размещения военных объектов иностранных государств на территории Средней Азии.

¹⁰⁰ Общая протяженность коридора по маршруту Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Оренбург – Актобе – Кызылорда – Шымкент – Тараз – Кордай – Алматы – Хоргос – Урумчи – Ланьчжоу – Чжэнчжоу – Ляньюньган составляет 8445 км. Из них 2233 км по территории России, 2787 км – Казахстана, 3425 км – Китая. Значительное развитие получают пять крупных областей Казахстана (Актюбинская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Жамбылская и Алматинская, включая г. Алматы, где в общей сложности проживает 7,5 млн человек, или почти половина населения страны). Прохождение коридора вдоль границ среднеазиатских республик позволяет включить их в активное региональное торгово-экономическое сотрудничество.

¹⁰¹ www.centrasia.ru/newsA.php?st=1349683080

¹⁰² Денисов Е.А. Центральная Азия как регион международной политики // Восток (Oriens). 2012. № 2. С. 74, 78.

Террористическая атака на США 11 сентября 2001 г., о которой заранее было известно американскому руководству¹⁰³, была использована Вашингтоном для развязывания антитеррористической кампании в Афганистане и стабилизации ситуации в этой стране. Возможность военного вторжения в Афганистан для ликвидации баз Аль-Каиды американцы рассматривали еще в 2000 и 2001 гг., в том числе с территории Средней Азии¹⁰⁴ и с использованием сил Северного Альянса. О том, что определенные надежды возлагались на лидера Северного Альянса Ахмадшаха Масуда,¹⁰⁵ может свидетельствовать его недельное турне по Европе в начале апреля 2001 г. и его убийство 9 сентября 2001 г. арабскими террористами. Тогда председатель Европейского парламента Николь Фонтен охарактеризовала приглашение Масуда в Париж и Страсбург как "политическое признание того факта, что он "воплощает силу, противостоящую талибам". А западная пресса назвала его "символом национального единства Афганистана"¹⁰⁶. Получавший через территорию Таджикистана прямую военно-техническую помощь со стороны России и Ирана в противостоянии с талибами,¹⁰⁷ Ахмадшах Масуд мог теперь рассчитывать и на помощь западных стран. По мнению исследователя событий 11 сентября 2001 г. П. Мартина, «администрация Буша использовала катастрофу Всемирного Торгового центра как возможность для размещения американских вооруженных сил в Центральной Азии и в бассейне Каспийского моря – регионе, где находятся огромные неиспользуемые запасы нефти, и который, по оценкам экспертов, должен стать Персидским заливом двадцать первого века»¹⁰⁸.

Представляется, что доступ к энергетическим ресурсам региона не единственная и далеко не главная причина использования американцами событий 11 сентября в геополитических целях. К этому времени уже было известно, что нефтяные ресурсы Каспийского региона составляют всего 2–5% общемировых запасов, разработку которых уже получили американские и западные компании¹⁰⁹. К этому времени в принципе был решен вопрос строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

После распада Советского Союза Запад прилагал последовательные усилия, содействуя становлению и укреплению государственности бывших советских республик как абсолютно необходимого условия их независимости и отдаления от России. В этом плане можно отметить такие инициативы, как Программы Технического содействия странам СНГ (TACIS, с 1991 г.), «Партнерство во имя мира» НАТО (с 1994 г., в 1997 г. создан «Центразбат»), Межгосударственного сотрудничества в области транспортировки нефти и газа в Европу (INOGATE, с 1995 г.). Транспортный коридор Центральная Европа – Кавказ – Центральная Азия (TRACESA, с 1998 г.). Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (с 1994 г., в июле 2006 г. состоялась первая прокачка нефти). А также объединение группы государств (ГУУАМ, с 1997 г.) вдоль южных границ России. В марте 1999 г. Конгресс

¹⁰³ Патрик Мартин. Было ли правительство США предупреждено об опасности атаки 11 сентября? <http://www.usinfo.ru/9.11.5.htm>, <http://www.wsws.org/ru/2002/feb2002/gove-f18.shtml>;

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Панфилова В. Запад вновь вспомнил о "моджахеде номер один" // Независимая газета, 18.04.2001 г.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алма-Ата, 2003.

¹⁰⁸ Патрик Мартин. США планировали войну в Афганистане задолго до 11 сентября. - 3 декабря 2001. - <http://wsws.org/ru/2001/dez2001/plan-d03.shtml>

¹⁰⁹ Белокреницкий В. Какие коррективы нужны внешней политике России? // Восток. 2003. № 3. С. 114.

США принял «Акт о стратегии Шелкового пути», в котором говорилось о поддержке экономической и политической независимости стран Центральной Азии.

Однако эти усилия по формированию и укреплению центробежных тенденций на постсоветском пространстве и отдалению Средней Азии от России не смогли остановить формирование перспективных региональных структур сотрудничества. Тем более что помощь США и Европы новым независимым государствам была незначительной и в основном технической, что признают и западные эксперты. В 2000 г. в Астане был подписан договор об учреждении ЕврАзЭС и создан Антитеррористический центр стран-участниц СНГ, в рамках Содружества начата работа по формированию Коллективных сил быстрого развертывания Центральной Азии¹¹⁰. В июне 2001 г. уже с участием Республики Узбекистан¹¹¹ создана Шанхайская Организация Сотрудничества, свидетельствующая об усилении совместного влияния России и Китая в регионе. Подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, велась работа по созданию антитеррористической структуры ШОС. Шел процесс преобразования Договора о коллективной безопасности в полноценную организацию (создана 14 мая 2002 г.), особенно после Баткенских событий 1999 и 2000 гг. Безусловно, этим процессам способствовал продолжающийся вооруженный конфликт в Афганистане, многократно возросли угрозы светским государствам со стороны радикальных организаций политического ислама, вынуждавшие государства Средней Азии обращаться за военно-технической помощью к России. Зашел в тупик проект прокладки газопровода из Туркмении через Афганистан в Пакистан, американская компания «Юнокал» в 1998 г. была вынуждена выйти из него. В начале 2000 г., согласившись на прокачку своего газа через Россию, Туркмения практически отказалась от участия в транскаспийском газопроводе в Турцию. Обеспокоенный такими негативными проявлениями, как религиозный фанатизм, экстремизм и терроризм, Казахстан начал подготовку созыва межконфессионального форума для многостороннего диалога и принятия коллективных решений по уменьшению напряженности в регионе и мире. Для Казахстана, где проживают представители около 140 этносов и 40 вероисповеданий, было чрезвычайно важно сформировать культуру толерантности и межнациональной и межрелигиозной терпимости¹¹².

В 2003 г. был опубликован фундаментальный труд Президента Н.А. Назарбаева «Критическое десятилетие»,¹¹³ в котором глубоко исследованы феномены исламского экстремизма и терроризма, политического радикализма, других нетрадиционных угроз, зловеще заявивших о себе в век глобализации, и намечена широкая программа превентивных действий и эффективной и основательной борьбы с ними. В новом варианте «Закона о политических партиях» была полностью исключена возможность образования политических партий на этнической и религиозной основе.

¹¹⁰ Решение о создании КСБР принято на Совете Коллективной безопасности в Ереване 25 мая 2001 г. в составе порядка 1500 человек со штатным вооружением и военной техникой из вооруженных сил Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана.

¹¹¹ Республика Узбекистан еще в январе 2001 г. выразила готовность принимать участие в сотрудничестве «Шанхайской пятерки» на основе полноправного членства, Президент И. Каримов принял участие в саммите в Душанбе в 2000 г. в качестве наблюдателя.

¹¹² Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся в Астане 23–24 сентября 2003 г., второй – 12–13 сентября 2006 г., третий – 1–2 июня 2009 г., четвертый – 30–31 мая 2012 г.

¹¹³ Назарбаев Н. Критическое десятилетие. Алматы: Атамур, 2003. 240 с.

Таким образом, США, начав в 2001 г. антитеррористическую кампанию в Афганистане, пытались кардинально изменить политическую и экономическую ситуацию в регионе, стабилизировать Афганистан и открыть южное направление для Средней Азии и Казахстана, дать им альтернативу и выход к портам Индийского океана. Для США важно было снять «афганскую угрозу», толкающую страны региона в сторону России и Китая. Успешное начало операции в Афганистане, принятие конституции, выборы президента ИРА и формирование правительства, казалось бы, свидетельствовали о перспективах, благоприятных для организации и продвижения регионального экономического сотрудничества с участием этой страны. Косвенным подтверждением того, что, по общему мнению, ситуация в Афганистане к 2005 г. имела тенденции к улучшению, свидетельствует соответствующий абзац декларации Саммита ШОС от 5 июля 2005 г. в Астане. В нем говорится о позитивной динамике стабилизации внутриполитической ситуации, завершении активной военной фазы антитеррористической операции и необходимости определиться со сроками вывода иностранных военных контингентов с территории стран-членов ШОС¹¹⁴.

Помощник госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Р. Баучер 26 апреля 2006 г. в письме в комитет конгресса США писал: «Демократизация Афганистана превратила его из препятствия, отделявшего Среднюю Азию от Южной Азии, в мост, который их соединит. И это, в свою очередь, открывает замечательные новые возможности... Нет никакой конкуренции между Соединенными Штатами, Россией и Китаем. По большей части то, что мы там делаем, сводится к предоставлению странам региона возможностей для выбора ... и недопущению того, чтобы они оказались зажатыми между двумя великими державами – Россией и Китаем»¹¹⁵.

Впервые была проведена Международная конференция министров развивающихся стран, не имеющих выхода к морю (Алматы, 28–29 августа 2003 г.), принявшая Алма-тинскую программу действий. 1 июня 2004 г. было подписано Рамочное соглашение по торговле и инвестициям между США и странами Центральной Азии (ТИФА). Оно было призвано создать основу для расширения торгово-экономических и инвестиционных отношений между странами ЦА и США. К ежегодным заседаниям Совета ТИФА в качестве наблюдателя была подключена ИРА. Так, на заседании Совета в Астане 18 октября 2012 г., помимо других вопросов, обсуждались проблемы торговли и транзита в Центральной Азии и Афганистане. Как отмечалось выше, в 2005 г. был запущен механизм Конференции регионального экономического сотрудничества в интересах Афганистана.

Заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам Уильям Бернс, выступая 7 октября 2009 г. в Торговой палате США, ясно объяснил эти задачи – «стабильное будущее Афганистана зависит от дальнейшей помощи наших центральноазиатских партнеров – точно так же, как стабильное будущее Центральной Азии зависит от успеха в подавлении воинствующих экстремистов в Афганистане. Энергетические ресурсы Центральной Азии могут стать фактором стабильности и предсказуемости в глобальной экономике, обеспечивая разнообразие источников, рынков

¹¹⁴ <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1120666800>

¹¹⁵ Пластун В. Интеграция в Центральной Азии и влияние внешних факторов // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы, материалы международной конференции. Бишкек, 2007. С. 60.

и транзитных путей доставки энергоносителей, в то же самое время открывая новые экономические перспективы перед самим регионом»¹¹⁶.

Пентагон также стремится содействовать Афганистану «в более тесной экономической интеграции с регионом». В частности, Министерство обороны США оказывает помощь Афганистану в создании железнодорожной инфраструктуры, которая соединит его с государствами Средней Азии. Об этом говорится в докладе, подготовленном для конгресса США аппаратом специального инспектора по проектам реконструкции в Афганистане (SIGAR).

Таким образом, американцы последовательно продвигают идею вывода среднеазиатского региона из-под контроля России и Китая. Преследуется также цель предоставить Афганистану потенциальную возможность за счет сомнительной в обозримой перспективе роли транзитного коридора для энергетических и других ресурсов восстановить экономику и, вместе с тем, переложить основное бремя расходов на государства Средней Азии и Казахстан¹¹⁷. Однако перспективы нормализации обстановки в Афганистане не внушают даже осторожного оптимизма, страна продолжает оставаться ареной столкновений внутренних и внешних игроков и, как следствие, – трудным и опасным препятствием для строительства транспортной инфраструктуры и продвижения экономического сотрудничества.

3. Заключение

Таким образом, подводя итоги данного исследования, можно выделить следующие основные пути влияния афганского вооруженного конфликта на политическую и экономическую ситуацию в Средней Азии и Казахстане.

Во-первых, из Афганистана, ставшего в 1990-е гг. очагом международного терроризма и религиозного экстремизма, и где базировалась вооруженная таджикская и узбекская оппозиция, исходила реальная угроза насильственного изменения государственного строя в Таджикистане и Узбекистане. Если в Таджикистане совместными усилиями сторон при посреднической роли ООН и некоторых государств региона удалось интегрировать оппозицию в процесс мирного развития, то узбекская оппозиция, воевавшая в Афганистане на стороне движения «Талибан», была серьезно ослаблена в ходе военных операций международной коалиции. Компромисс в Таджикистане был достигнут за счет включения в Конституцию нестандартных, политически обусловленных юридических норм и легализации исламской партии. Опасность здесь заключается в том, что политический ислам, включенный в политическую систему государства с преобладающим мусульманским населением, может прийти к власти путем «демократического выбора», как это произошло в Египте.

¹¹⁶ <http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/article/2009/10/20091009161006xjsnommis0.5439417.html#ixzz2IA8lfbgG>

¹¹⁷ Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С. 85–97.

Руководство Узбекистана, отказавшееся от переговорного процесса и выдавившее вооруженную оппозицию в Афганистан, оказалось в выигрыше в связи с началом операции «Несокрушимая свобода». Исчезла прямая угроза продолжения атак религиозных экстремистов, как это было в 1999 и 2000 гг. Однако ожидаемый вывод войск международной коалиции из Афганистана и новый виток внутренней гражданской войны в этой стране может вновь угрожать государствам Средней Азии, в которых чрезвычайно сложная социально-экономическая ситуация способна вызвать всплеск исламского радикализма, использующего в своих целях тезис о неделимости религии и государства в мусульманском обществе.

Во-вторых, нестабильный Афганистан практически полностью блокировал возможность диверсификации внешнеэкономических связей и строительства автомобильных и железных дорог, линий электропередач и газопроводов на южном направлении. Начатая в 2001 г. антитеррористическая операция не оправдала надежд, США уходят из Афганистана, так и не достигнув одной из основных своих целей – снять «афганскую угрозу», толкающую государства Средней Азии и Казахстан в сторону России и Китая. Афганистан продолжает оставаться труднопреодолимым препятствием на пути развития торговых связей стран Средней Азии и Казахстана с государствами Южной Азии и Среднего Востока, выхода к их морским портам.

За прошедшие двадцать лет после падения «железного занавеса» новым независимым государствам так и не удалось реализовать экономические, транспортные и инфраструктурные проекты, с которыми связывались надежды открыть выход на Юг, к портам в Индийском океане.

1. Это широко известный проект строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия. Но строится альтернативный газопровод Иран – Пакистан. Сдан в эксплуатацию газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай.
2. Проект, менее известный даже среди экспертов, которые в основном исследуют проблемы безопасности, наркотиков и большой геополитики, строительства автомобильной дороги Тургунди – Герат – Кандагар – Кветта – побережье Индийского океана.
3. Строительство железной дороги Тургунди – Герат – Кандагар – Кветта – порт Гвадар. Но построена альтернативная железная дорога Серахс – Мешхед – Бафк – Бендер – Аббас. Построен порт Чарбахар в Ормузском проливе и от него ведется строительство железной дороги на север вдоль западной границы Афганистана.
4. Строительство железной дороги Хайратон – Мазари-Шариф – Герат – Иран. Удалось построить только 75 км от Хайратона до Мазари-Шарифа в 2010 г.
5. В 2007 г. построен мост «Дружба» в Нижнем Пяндже на таджикско-афганской границе. Но этот мост, как выразился американский посол, работавший в те годы в Душанбе, «мост в никуда», так как Афганистан остается нестабильным.

6. Не удастся реализовать идею строительства высоковольтной линии электропередачи CASA-1000.
7. Не удалось организовать поставки природного газа из Афганистана с месторождений Шиббергана.
8. Не реализованным остался проект строительства автодороги из Таджикистана в Пакистан через Ваханский коридор.
9. До сих пор нет ясности по проекту железной дороги Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран.
10. Не получили практического развития все региональные экономические проекты в рамках союза персоязычных государств. Не создано даже единое телевизионное вещание.
11. Не удалось создать Зону свободной торговли в рамках Организации Экономического Сотрудничества.
12. Поэтому с осторожным оптимизмом приходится говорить о строительстве железной дороги, ЛЭП и газопровода из Туркменистана в Таджикистан через северный Афганистан.
13. С выводом Международных сил содействия безопасности и большей части международных организаций из Афганистана, снижением объемов международной финансовой помощи иссякнет и без того небольшой экспорт товаров и услуг из Средней Азии и Казахстана в Афганистан. Надежды на то, что создаваемая международной коалицией Северная Распределительная Сеть станет основой для развития региональной торговли, также пока остаются иллюзорными. Страны Центральной Азии не способны сами оказать содействие в восстановлении и развитии экономики Афганистана, планы международного сообщества также остаются абсолютно неясными.

К сожалению, приходится констатировать, что южное направление, как было непреодолимым препятствием на пути развития международных экономических связей, так им и осталось. Не оправдались надежды на развитие внешнеэкономических связей в рамках Организации Экономического Сотрудничества.

В 2009 г. американская администрация пришла к стратегии выхода из Афганистана, так и не выполнив задачу открыть южное направление для Средней Азии и Казахстана, о чем так много говорили в Вашингтоне. В этом плане итоги антитеррористической кампании международной коалиции неудовлетворительны, она не принесла ожидаемых результатов и лишь подтвердила тезис о принципиальной ограниченности ресурсной базы внешнего силового воздействия на обстановку в Афганистане и внутреннюю логику ее развития.

Однако опыт середины прошлого века показывает, что внутренняя логика развития вполне позволяет реализацию крупных экономических, инфраструктурных проектов, которые позволят реализовать транзитный потенциал Афганистана и включить его в региональное экономическое сотрудничество. Тогда в стране были построены многие объекты не только Советским Союзом, но и США, Германией, другими странами Европы и Азии. И афганцы в годы гражданской войны пытались сохранить и сохранили некоторые наиболее ценные объекты, например элеваторы и завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе. Если в Афганистане за последнее десятилетие были бы построены производственные объекты и транспортные коммуникации, население взяло бы их под свою охрану и обеспечило их бесперебойную работу.

В создавшейся ситуации нельзя действовать по принципу «либо – либо», т.е., жестко блокируя новые нетрадиционные угрозы безопасности, исходящие из Афганистана, вновь наглухо закрыть южные границы, и вернуться к экономическому сотрудничеству на северном направлении, продвигать его на Востоке через Китай и на Западе через Иран и Южный Кавказ. Хотя, безусловно, создание совместными усилиями всех заинтересованных стран и международных организаций эффективного барьера безопасности и антинаркотического пояса вдоль афганской границы остается актуальной задачей, особенно накануне вывода международных сил из ИРА.

Именно на включение Афганистана в региональное экономическое сотрудничество направлены инициативы и «Евразийского движения», и «Движения развития», лидерами которых являются известные российские политики А. Дугин и Ю. Крупнов. Эти инициативы дополняют и расширяют идеи «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути», предложенные американскими политологами и политиками. Исходя из такого понимания, нужно предпринимать совместные действия по расширению мультимодального транспортного коридора «Север – Юг» за счет включения в него Афганистана.

На первом этапе нужно объединить усилия по строительству автомобильной и железной дороги по двум маршрутам:

- Тургунди – Герат – Лашкаргах – Зарандж – Иран;
- Кундуз – Мазари-Шариф – Шиберган – Герат – Иран с выходом в порты Бендер-Аббас и Чарбахар.

За прошедшие годы железнодорожники Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана приобрели хороший опыт строительства на своих территориях, закупили необходимую строительную технику и могли бы быстро и качественно осуществить вышеуказанные проекты в Афганистане в общих интересах.

Список литературы

- Айдамиров А.М. Афганское направление политики США в контексте глобальной антитеррористической стратегии. М., 2010.
- Актуальные проблемы развития стран Центральной Азии в условиях рынка. Душанбе: РТСУ, 2008. 262 с.
- Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003. 400 с.
- Амирбек А. Роль Исламской Республики Иран в установлении мира в Таджикистане. – Душанбе: Деваштиг, 2004. 264 с.
- Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1; под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2004. 166 с.
- Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2; под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2005. 249 с.
- Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып.3; под ред. А.А.Князева. Бишкек – Душанбе, 2006. 250 с.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2003. 256 с.
- Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2012. 264 с.
- Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М.: Международные отношения. 2010.192 с.
- Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. 285 с.
- Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. М.: Астрель, 2012. 317 с.
- Бушков В., Микульский Д. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этно-социальные конфликты и политическая борьба, 1992–1995). М., 1996. 67 с.
- Диалог в действии: опыт Таджикистана. Душанбе: Деваштиг, 2008. 304 с.
- Достиев А.С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: История разработки, принятия, внесения изменений и основные положения. Душанбе: Матлубот, 2001. 240 с.
- Зайферт А.К., Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. Документы светско-исламского диалога в Таджикистане. Душанбе: Шарки Озод, 2003.
- Искандаров А.И. Интеграция в Центральной Азии: политические аспекты. Душанбе: Ирфон, 2007. 376 с.
- Ислам и светское государство; под общей ред. З.И. Мунавварова и В.Шнайдера-Детерса. Ташкент, 2003. 150 с.
- История таджикского народа. Т. VI. Новейшая история (1941–2010 гг.); под общей ред. академика АН РТ Р.М. Масова. Душанбе, 2011.
- Камолов С. Границы. К истории становления границы Республики Таджикистан. Душанбе: Ватанпараст, 2007. 188 с.
- Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. 318 с.
- Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. Ташкент, 2011. 383 с.

- Князев А.А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов. Бишкек: Илим, 2001. 168 с.
- Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX–XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. 500 с.
- Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек: Издательство КРСУ, 2002. 137 с.
- Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространение в Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2003. 70 с.
- Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек, 2012. 420 с.
- Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М.: Вагриус, 2001. 350 с.
- Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: Экспо, 2009. 1119 с.
- Мараталиева З.Т. Региональная политика России и Китая в Центральной Азии и ШОС как фактор взаимодействия. Бишкек, 2010.
- Могилевский Р. Тенденции внешней торговли стран Центральной Азии. Доклад ИГУП УЦА №1, май 2012. 55 с.
- Мунаварова З.И., Шнайдер-Детерс В. Светское государство и пробуждение ислама в постсоветской Центральной Азии (некоторые политические выводы). Ташкент, 2003. 274 с.
- Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. Алматы: Атамура, 2003. 240 с.
- Назриев Д., Саттаров И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1991-й (хроника событий). Душанбе, 2002. 337 с.
- Назриев Д., Саттаров И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1992-й (хроника событий). Том II. Душанбе, 2005. 732 с.
- Назриев Д., Саттаров И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1993-й (хроника событий). Том III. Душанбе, 2006. 903 с.
- Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. Фонд Карнеги за международный мир. Москва, Вашингтон, 2005. 487 с.
- Политические партии Республики Таджикистан. Душанбе, 2004. 371 с.
- Политические партии Республики Таджикистан. Душанбе, 2006. 621 с.
- Построение доверия между исламистами и секуляристами – таджикский эксперимент. Душанбе, 2004. 360 с.
- Рахмон Э. Таджикистан на пороге 21 века. Душанбе, 2001. 70 с.
- Рахмонов Э.Ш. Тысяча лет в одну жизнь: Сборник выступлений, речей, интервью и статей. Душанбе: Ирфон, 2003. 520 с.
- Рахмон Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т. 2, 3. Душанбе: Ирфон, 2006. 704 с.
- Саидов З.Ш. Таджикистан: межгосударственные отношения в период становления внешней политики. 3-е издание. Душанбе: ООО Контраст, 2012. 628 с.
- Сайдалиев У. Международная антитеррористическая операция в Афганистане и ее влияние на геополитику Центральной Азии. Душанбе, 2009.
- Сайфулин Р. Республика Узбекистан: политическая динамика // Центральная Азия: Собственный взгляд. Фонд Фр. Эберта. Бишкек, 2006.
- Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С. 85–97.

- Центральная Азия: Собственный взгляд. Астана, Бишкек, Душанбе, Ташкент, 2006. 498 с.
- Центральная Азия: Внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. Астана, Алматы, Бишкек, Душанбе, Ташкент, 2009. 638 с.
- Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы; под общей ред. д-ра полит. наук К.Л. Сыроежкина. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. 456 с.
- Центральная Азия до и после 11 сентября: геополитика и безопасность. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2002.
- Центральная Азия: 1991–2009 гг.; под ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ, 2010. 200 с.
- Шарипов С.И. Политические процессы в таджикском обществе: Сборник статей 1998–2011 гг.). Душанбе: ЦСИ при Президенте РТ, 2011. 376 с.

Сборники и материалы международных конференций

- Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Материалы международной конференции; под ред. А.А. Князева. Бишкек, 2008. 392 с.
- Афганистан. Возрождение и перспективы развития. Материалы научно-практической конференции 29 апреля 2005 года. Душанбе, 2005. 122 с.
- Безопасность и стабильность в Центральной Азии после вывода МССБ в 2014 году из Афганистана. Материалы международной конференции 29 сентября 2011 года в Душанбе. Душанбе, 2011. 244 с.
- Влияние внешних факторов на обстановку в Афганистане и безопасность Центральной Азии. Материалы конференции 22 января 2010 г. в Российско-Таджикском (Славянском) университете. Душанбе, 2010.
- Государство и религия: поиски путей продолжения диалога. Материалы семинара. Фонд им Ф. Эберта в Республике Таджикистан. Душанбе, 2005. 191 с.
- Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и России в новых геополитических реалиях. Материалы международной научной конференции. Душанбе: РТСУ, 2011. 377 с.
- Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. Материалы международной конференции; под ред. А.А. Князева. Бишкек, 2007. 296 с.
- Политико-правовые аспекты обеспечения безопасности в Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Душанбе, 25–26 октября 2010 г. Душанбе: Ирфон, 2011. 236 с.
- Традиции и процессы демократизации в Таджикистане. Т. 2. Материалы научно-практических семинаров. Душанбе, 2011. 211 с.

Подготовлена к печати отделом по
связям с общественностью УЦА.
Отпечатано компанией VRS, Бишкек,
Кыргызская Республика

